



На взводе

18+

Евгений Рукавишников

На взводе

«Автор»

2026

Рукавишников Е.

На взводе / Е. Рукавишников — «Автор», 2026

Советская армия глазами рядового. Два года, которые ломают психику и превращают забитых «духов» в жестоких «дедов». Беспощадная хроника быта и выживания, где до дембеля — как до луны.

© Рукавишников Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Рукавишников

На взводе

На взводе

Евгений Рукавишников

Прежде, чем начать своё повествование, мне бы хотелось сказать, что эта книга лучше бы увидела свет лет тридцать или даже тридцать пять лет назад. Два года из жизни рядового Ивана Чужакова - это не просто художественная хроника событий, это и размышления о жизни, и не только армейской, но и о человеческом бытии вообще. Причём в книге есть фрагменты из жизни и других незаурядных фигур армейского коллектива, типажи которых есть в каждой части, в каждой роте и в каждом взводе. Некоторым читателям возможно покажется, что автор старается сделать упор на негативных явлениях, выставляя их напоказ, смакуя и подробно описывая их. Только все эти явления - не единичные случаи, а целая система взаимоотношений, которая складывалась годами и которую очень трудно разрушить. Она, то стоит, как неприступная крепость, а то плавает, как непотопляемый корабль, иногда под водой, будто подводная лодка. Эта система везде прорастает с удивительной скоростью, как мерзкий сорняк. Причём сорняк этот губит настоящие плоды, которые чахнут и в конце концов погибают. А на их месте вырастают новые сорняки. Эта система повсеместна и приживается при любых условиях. Она не боится ни жары, ни холода. Она порождается в результате определённых бактерий, живущих в каждом человеке, которые в свою очередь нацелены на развитие низменных и примитивных инстинктов. У кого эти бактерии достаточно развились, то они могут, как зараза переметнуться к другим молодым людям и внедриться в их неокрепшие души. Они не поражают организм, а только душу человека, разлагая и уродуя её. Лишь некоторые обладают твёрдым иммунитетом к этому вирусу, когда их однопризывники заражаются, а они все два года держатся сухими. Но таких меньше и они не вмешиваются в сложившийся порядок. Им так спокойнее.

Единственным условием для распространения этой заразы является необходимая ей атмосфера. Когда же человек попадает в другую нормальную атмосферу, то и зараза эта практически исчезает, оставаясь где-то в глубине души в ничтожно малом количестве, уже неопасном для окружающих.

В больших коллективах легче прожить, не замарав рук. Народу там много, и ты, как бы теряешься среди толпы. А например во взводе ты на виду ежедневно и ежечасно. И к тебе там все относятся более критически. Тебя там лучше знают, нежели в роте или в батальоне. Причём знают все твои слабые стороны и больные места. И тяжело бывает тем, кто отстаёт от коллектива и не участвует в его делах.

В некоторых подразделениях, особенно в отдельных, чётко срабатывает лозунг : "Кто не с нами - тот против нас!" И дальше ничего хорошего. Если молодой боец наделён физической силой, то он ещё как-то может постоять за себя. Хотя и это порой не помогает. Ну, а если он физически слаб, но честен в душе и в поступках, то что делать ему? Тогда и наступает так называемая тоска. У некоторых она продолжается до самого дембеля.

Для дедовщины в армии создаются идеальные тепличные условия. На гражданке она встречается в некоторых общежитиях, но там она ничтожна и слабо выражена по сравнению с армейской. Многие до службы её вообще не встречали, и слыхом не слыхивали, что она где-то существует. Но она процветает в то время, когда все вопят о демократии и высшей спра-

ведливости. Она живёт параллельно обычной жизни с её общечеловеческими ценностями и выглядит, как рабство, фактически наполовину узаконенное. Если кто-то и слышал до службы о дедовщине, то только краем уха по рассказам своих старших товарищей, которые по пьяной лавочке любят потрепаться о службе, но при этом больше описывая свои «подвиги» и романтические приключения. Никто не любил вспоминать свой первый год, особенно то, что никак не поднимало их авторитета в глазах молодых собеседников. А если они и ругали кого, то это были в основном офицеры и прапора. Мол, какие они все козлы, что приходилось постоянно с ними воевать за своё право на отдых. Вспоминали – как им удавалось обманывать их, водить за нос и вокруг пальца. О дедовщине упоминали вскользь, делая упор на том, что после года сами командовали парадом.

Действительно дедовщина – это хороший способ прожить второй год службы, как настоящий мужик и полноценный член общества. Но на самом деле это лишь способ свалить все тяготы и лишения на плечи молодых солдат. При офицерах и прапорах конечно нельзя бить молодого, отдавать на стирку и подшивку свои шмотки, применять спортивные наказания, заставлять биться головой о стенку, пороть ремнём и так далее. Восприятие всего этого конечно зависит от морального облика офицера, от его звания и степени подчинённости данного солдата. Например, чем выше звание офицера, тем он строже ко всяким проявлениям неуставщины. Степень подчинённости тоже играет большую роль. Офицер другого подразделения может спокойно пройти мимо, когда на его глазах старослужащий избивает молодого. По уставу он должен остановиться и остановить происходящее, а потом сообщить о случившемся их командиру. Должен, но не обязан. А если обязан, то не должен. Замкнутый круг. Легче пройти мимо, думая о чём-то своём. Ведь не его же это солдаты. «Какое мне дело до их драк? У меня своих проблем по горло.» Некоторые деды, чувствуя или уже зная это, начинают наглеть, не очень то боясь таких офицеров, которые уже показали своё гробовое молчание при предыдущих встречах. При особо строгих командирах, особенно когда он появляется внезапно, как бы из-за угла, дед меняется прямо в миг. Он начинает говорить с молодым спокойным голосом, переходящим чуть ли не в ласковые просьбы. Если это сержант, то он начинает общаться по нотам устава в корректной форме, фильтруя свой базар. Тогда он сам старается показать своё рвение в службе, например берёт метлу и учит молодого, как надо правильно мести. Пускай даже мести то нечего. Офицер убедившись, что всё хорошо и нормально, тут же уходит. После этого дед преображается моментально. Диким матерным криком он тут же ставит молодого на место, который за время нахождения здесь офицера уже успел слегка припухнуть.

Главное для дедов было также полностью устраниваться от выполнения грязных и всевозможных физических работ. В первую очередь забыть про разные уборки в виде подметания, натирания и мытья полов, чистки туалетов, от работы в столовой на мойке посуды и на чистке картошки. Вывоз мусора и мытьё боевой техники тоже удел молодых. Они также красят и белят, являясь основной и движущей силой любого ремонта.

В личное обслуживание дедов для молодых входит подшивание, чистка бляхи и сапог, стирка и глажка всего обмундирования. Деды перестают даже заправлять собственную кровать, вставляя это в обязанность молодым. Нести тяжести в дороге, быть во всём крайним – тоже их участь. Да разве всё перечислишь, что приходится делать молодому солдату за первый год службы.

Что касается самой службы, то тут посерьёзней дела обстоят. Если ты молодой и неопытный, то тебе естественно и меньше доверяют. Но зато тебя усиленно учат, чтобы ты знал и умел делать то, что необходимо для избежания залёта перед начальством. И ничего лишнего. Ини-

циатива в армии всегда может обернуться наказанием. И все потуги дедов в деле твоего обучения только для того, чтобы поскорей свалить всю службу на плечи таких вот, как ты молодых солдат, а последние месяцы в армии вообще ничего не делать, лишь гулять и готовиться к дембелю. Всем была знакома фраза : «Я своё уже отпахал». Правда, некоторым, особенно водителям, приходилось до дембеля многое делать самим. Не скажет же он молодому: «Эй, ты, а ну давай удельывай мою машину». Это уже дело чести. Поэтому приходилось самим ковыряться в грязи и в масле. При строгом командире любой дед весь в службе. Надо же показать ему, что ты не только не зря казённый харч ешь, но и претендуешь на отпуск, на повышении в звании, на новую классность или даже на отличника СА.

Все деды очень любят поспать. Такие во разговорки стали крылатыми: «Запомни сам и передай другому – чем больше спим мы, тем ближе к дому». Или: «Только сон приблизит нас к увольнению в запас». Недаром все говорят: «Солдат спит – служба идёт». Продолжительный сон – это не только возможность подольше понежиться в постели, но и не чувствуя службы и времени, приблизиться к дому, увидеть приятные сны о близких, о друзьях, о родных местах, да и о бабах в конце концов. Особенно любят деды, да и кандидаты на эту роль поспать перед нарядом и прихватить ещё лишний часок другой. Спят и после наряда, а если обстановка позволяет и во время его. Спят на станциях и в БэТээРах, в машинах и просто на травке. Спят во время рабочего дня и после него. Спят и днём и ночью и утром и вечером. Спят всегда, когда позволяет обстановка. Некоторые даже по двенадцать часов за сутки. Но столько спать надоедает и многие начинают придумывать себе занятия. Одни бегут в самоволки, другие крадут альбомы, третьи играют в карты на деньги, четвёртые бренчат на гитаре или занимаются спортом. Кое-кто пишет письма, сидя в Ленкомнате. И только немногие из них читают. Всё это происходит, как правило по вечерам, когда заканчивается рабочий день. Во многих подразделениях кандидаты в деды или кандеды практически ни чем не отличаются от дедов. То есть прослужив один год, солдат в пределах части становится свободным человеком.

В столовой каждый дед чувствует себя королём. Послаще есть – это третье правило каждого деда. Это также важно, как и побольше спать и поменьше работать. Каждый стремится к гражданской хавке, максимально приближённой к гражданской. В столовой ценилось отборное мясо без сала, жареная картошка, гречка, котлеты, подлива. Некоторые клали в чай сахара по шесть-семь кусков на кружку и не размешивали. По уставу система раздачи пищи – это когда дежурный всем делает одинаковые порции, а остальные, вытаращив глаза, сидят и ждут. На самом деле деды первыми кладут из бачков самые лакомые куски. Потом кладут себе кандеды, а после гуси. Гуси – это кто прослужил полгода. Ну а духам, как самым молодым достаётся то, что осталось на самом дне. Для них в изобилии бывает лишь пустой бульон варёное свиное сало со щетиной. Деды же часто переходят на правило – лучше есть меньше, да лучше. Для этого они посещают «чайник» то есть солдатское кафе.

Правило четвёртое – это чтобы не зря время пролетело. Каждый стремится, как можно больше нарыть товаров и подарков к дембелю. Главное – это конечно шмотки. К ним относятся джинсы, джинсовые куртки, кожаные куртки, крассовки, футболки, спортивные костюмы, ботинки на каблуке и зимние сапоги. Всё это должно быть фирменного производства. Но чтобы больше купить, то и денег надо где-то добыть.

Существует множество способов, начиная от перепродажи армейских значков и кончая спекуляцией в крупных размерах и кражей с последующей продажей казённого имущества, в том числе и оружия. Конечно раньше даже пропажа штык-ножа была редкой. А если исчезает автомат, то это считалось чрезвычайным происшествием. Но это было раньше. Сейчас

же воруют не только оружие, но и боеприпасы с боевой техникой. А всё это зарождалось ещё тогда в семидесятые. Бизнес помельче был на часах, на шмотках, на бензине и даже на мясе, когда из свинарника продавали населению здоровенных свиней. А у нас в Чехословакии самый редкий, но очень прибыльный бизнес был обмен рублей на кроны по краденым декларациям с печатями.

Правило пятое – это конечно оставить память о службе. За год до дембеля многие уже начинают готовить парадку и значки к ней. Кроме неё готовят дембельский альбом с многочисленными фотографиями, показывающими сплочённость и дружбу воинского коллектива, весёлую и шуточную армейскую жизнь с улыбками на лицах. На фотках ты в машине и на машине, на танке или на БэТээРе, во время боевой работы и в казарме, с друзьями и в одиночку. Здесь ты с автоматом, тут при всех регалиях, здесь в противогазе и в ОЗК. Всегда весёлый, а иногда и с сигаретой в зубах.

Альбом ярко раскрашивается розами, обнажёнными девушками, пантерами и самолётами. Везде надписи годов службы и рода войск. Это работа нескольких месяцев. Поэтому ценятся художники, особенно из числа молодых. Каждый хочет быть с красивым альбомом и чемоданом, с подарками и чтоб сиять в значках, как герой.

И пожалуй постоянно заботит солдат третьего и четвёртого периода – это, как бы им повеселее прожить в эти скучные и однообразные месяцы службы. Здесь уже, кто во что горазд. Кто-то бегаёт в самоволки и заводит знакомства с местными девчонками, периодически ходя к ним на свидания. Ну а кто-то начинает квасить, а потом гонять молодых, таким образом, расслабляясь и отводя душу. Другие проводят вечера у земляков в других кубриках и казармах. Там они вспоминают дом и находят общих знакомых. Короче каждый старается разнообразить монотонную казарменную жизнь.

Особой гласности в армии нет, да и быть не может. Много трепать языком – чревато последствиями. Крылатая пословица: «Правда в армии есть, но дурак тот, кто ищет её» - актуальна и по сей день. Все живут по принципу круговой поруки, а командиры прекрасно зная все свои негативные стороны, стремятся скрыть их от вышестоящего начальства, показывая только парадную часть своего хозяйства. Мол, всё хорошо, всё нормально и идёт по уставу. У каждого солдата есть всё необходимое, все прекрасно питаются и заняты всегда делом. Система показухи в армии настолько сильна, что ей нет равных в других сферах нашего общества. Никто не хочет получать выговоры и лишаться из-за этого определённых благ. Здесь и не поспоришь особо. А слов для объяснений существует немного. Это «есть», «так точно», «никак нет» или на худой конец – «виноват». Существует и система предупреждения о приезде высокого начальства. Это время используется для наведения лоска, блеска, установления уставного порядка, чтобы пустить, как говорится «пыль в глаза». Личный состав сразу начинает заниматься тем, что написано в расписании. Никто не спит, не лежит и не читает.

Многие солдаты за два года вообще не стреляют из автомата. У других это бывает пару раз за всю службу. Многие свою военную специальность знают поверхностно или вообще не знают. Поэтому в сложных условиях работают нечётко. Многие за два года не становятся сильнее физически. Спорт имеет своё ограниченное время. А заниматься самостоятельно можно лишь на втором году службы. Многие не могут водить машину, хотя после армии это по идее должен уметь каждый. Я уже не говорю про элементарные знания по разным военным наукам. Что касается политзанятий, то они проводятся в полусне и в полудрёме. Все лишь отсиживают положенные два часа. Отличники боевой и политической зачастую являются липовыми.

В этом отдельном взводе все эти негативные явления были сконцентрированы и раздуты до беспредела. Порой служба для молодых солдат переставала быть таковой, а больше смахивала на какое-то обслуживание. Взвод имел крепкие традиции в этом плане, которые своими корнями уходили глубоко в годы застоя. Они передавались от одного призыва к другому.

Иван Чужаков часто выглядит белой вороной на фоне остальных своих сослуживцев. И эта книга показывает сложность человеческих взаимоотношений с плавным переходом некоторых лиц из безропотных и забитых духов в безжалостных и крутых дедов.

Порой всегда в армии кто-то за кем-то следит, а то и глядит кому-то в рот. Этих защитников традиций интересует буквально всё. Это и как ты ешь и как идёшь и как, что либо делаешь. Они постоянно смотрят в твою сторону, и ты всегда ощущаешь их взгляд на себе. Они тебе делают замечания, беспощадно критикуя за каждую мелочь. Они пытаются выставить тебя каким-то неумехой, ни к чему непригодным. По возможности они непрочь высмеять тебя, обозвать, себя ведя, как бывалые всезнайки, на которых мол, и держится вся армия. Они всегда и во всём правы, а критику в свой адрес заглушают потоками брани и угроз. Назойливость такого «учителя» можно представить в гражданском виде, как если бы ты сел в автобус не заплатив за проезд, а он такой же простой пассажир начал бы орать и возмущаться на весь салон, громогласно и публично обвиняя тебя в этом, как в преступлении. Таких людей в армии хватает.

Иногда Иван Чужаков вообще окружён только ими. Они все его чему-то учат, к чему-то придираются, им всем чего-то от него надо. Только ему ничего и не от кого не было надо все эти два года. Он сам по себе. В армии не любят таких пофигистов, которые только за себя отвечают и никого не поучают. Он считал, что каждый должен жить и служить также, как и в нормальном гражданском коллективе, с поправкой на особые условия нахождения. Только если ты – командир, то обязан требовать от подчинённых, но только то, что связано со службой, а не с бытом. А это лишь те самые занятия, которые висят на стене в виде расписания. К этому также относится боевая работа, наряды и дежурства. Вмешиваться в личную жизнь под предлогом нарушения устава и традиций никто не имеет права. И какое собачье дело им до твоего внешнего вида, что ты не успел подшиться или не почистил сапоги. Пусть эти уроды за собой лучше следят. Кроме командира отделения и взвода об этом вообще никто не должен заикаться. Но целый год Ивану Чужакову пришлось слушать эти упрёки. Сначала от гусей, потом от кандедов и дедов. Нет, он был вполне опрятен и чист. Просто традиция была во взводе такой – постоянно зудеть и следить друг за другом, чтобы хоть к чему-то обязательно придраться и выслужиться перед более старшим призывом, прославив крутым хранителем традиций.

Служба Ивана – это уход во время застоя, а приход уже в эпоху гласности и перестройки. Сам момент перехода был, как бы пропущен. Если бы не эта служба, то не появилась бы и эта книга. Всё таки армия это очень своеобразная и странная школа для жизни. Скорее школа выживания в экстремальных психологических ситуациях. А также молодой солдат должен сполна познать голод, холод, грязь, побои, унижения при максимуме физических нагрузок. Если этого нет, то ему это надо создать искусственно, чтоб служба мёдом не казалась. А сама боевая специальность на втором плане. Главное то, что изложено выше.

И так, приятных вам воспоминаний, если вы служили конечно. А если нет, то занимательного времяпровождения всем остальным читателям.

С УВАЖЕНИЕМ К ВАМ

КЛИМ ПИЛИГРИМ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К НАЧАЛУ ПУТИ.

Глава первая.

Скоропостижные сборы.

Буквально за два дня я узнал в своём военкомате, что должен явиться в семь ноль-ноль утра на сборный пункт с вещами. А вещи – это кружка, ложка, зубная щётка с пастой, мыло, полотенце и запас продуктов на пару дней. Этот запас называется в армии сухпаем или сухим пайком.

Но у меня ещё был долг за первый курс в институте и мне за эти два дня пришлось покрутиться, как в белке в колесе. Во первых нужно было оповестить всех друзей и близких родственников и пригласить их на проводы. А ведь с каждым надо хотя бы немного поговорить на прощание. Во-вторых, нужно было сдать экзамен и успеть рассчитаться с институтом, то есть взять академ. В-третьих, надо было подготовиться к самим проводам, прибраться дома, всё расставить, подготовить музыку и записи. В четвёртых, надо купить море продуктов для праздничного стола, в том числе побольше спиртного. Но это с честью выполнили родители и сестра. За что им большое спасибо. Буквально же в первый день на кухне закипела работа.

В этот день я успел только оповестить и пригласить к себе друзей. Экзамен всё ещё висел, как домклов меч над головой, и было строгое предупреждение об исключении, в случае его не сдачи. Только вместо того, чтоб готовиться, я отправился на проводы к своему однокласснику, а утром с больной головой поехал на экзамен, да ещё какой! – Термех. Но сделав ещё раньше задачки, я рассчитывал на успех. К тому же я ехал сдавать не в институт, а прямо домой к преподавательнице.

Я немного заплутавшись, нашёл её квартиру и позвонил. Она открыла дверь и сразу меня узнала :

- А, это ты ! Что там у тебя ?

- Да вот, я все задачки решил, которые вы мне задали.

- Ну давай быстрее, а то у меня дочка заболела.

Мельком взглянув на мои решения, она заключила :

- Ну нормально всё, ход мыслей правильный. Когда в армию то ?

- Завтра – отвечал я с надеждой в глазах.

- Ты бы так сразу и сказал. Чего время то терять ? Ну давай зачётку, и счастливой тебе службы.

Был я у неё меньше десяти минут и вышел с одной мыслью, что всегда надо иметь подход к людям, чтобы решать все дела и удалять препятствия за считанные минуты. Хотя я понимал, что сейчас было благоприятное стечение обстоятельств для сдачи такого сложного экзамена. Два месяца назад было всё иначе. И кровушки она попила у меня немало со своим термехом. Да и не только у меня. Но потом она получила хороший нагоняй от нашего замдекана за сплошные двойки у всего курса. Просто он ей сказал, как гласила молва: «Зачем судоводителю термех? Как козе барабан».

Приехав в институт, я пошёл сразу в деканат. Благосклонный кивок головы замдекана и его улыбка дали понять, что расставаться мне с институтом ещё рановато.

- Ну что, молодец! – сказал он, рассматривая мою зачётку. – А прыгунчик у тебя есть?

- Извините, не понял? – ответил я.

- Я говорю, успеешь ли ты за шесть часов всех обскакать и получить академический?

- Надеюсь, что успею, - уверенно сказал я.

- Ну что, тогда дерзай.

Побегать пришлось немало, но тем не менее, к семнадцати часам я уже прошёл последнюю инстанцию. Это комитет ВЛКСМ института. Там уже подняли вопрос о моём исключении из рядов. Якобы за то, что я в течении года не платил взносы. Я, имея полное безразличие к этой организации, сказал, что пожалуйста, я готов. После этого они изменили свою тактику, предложив мне заплатить взносы за весь год. Не имея времени на дискуссии, я быстренько выложил нужную сумму и помчался домой.

Как я устал за эти дни ! К тому же в последнюю ночь я вообще не спал. Конечно большую часть времени я старался провести со своей Маринкой, которую по настоящему любил и похоже она меня тоже. Она была недотрогой и всегда ждала только чистой любви. Видимо я для этой роли ей подходил. И у меня тогда никаких плохих мыслей на счёт её не было. Мы гуляли где-то около четырёх месяцев, и я считал, что этого времени вполне достаточно, чтобы она ждала меня все два года.

Всё было, как в сказке. Последние месяцы я погулял и повеселился на славу. А теперь, как будто всему конец. А куда деваться то? Если бы я пошёл в другой институт, где есть военная кафедра, то избежал бы армейской службы. Такой институт был единственный в городе. А в

свой я поступал в надежде на отсрочку до конца учёбы. Но год назад вышел указ правительства о том, что все студенты мужского пола по достижении восемнадцати лет, должны идти в армию без всяких отсрочек. Только в том политехническом, вся служба составляла один месяц на сборах после четвёртого курса. Я же целый год готовился к ней и морально и физически. Во всяком случае считал, что теперь вполне готов. Хотя что я знал о ней?

Глава вторая.

Проводы.

А проводы получились лихие. Свой дружеский долг я выполнил с честью. Пожалуй, было всё, что можно было бы пожелать простому человеку со средним достатком. Вина, водки и закусок было даже с избытком. Выходило больше бутылки на брата, хотя некоторые пили совсем немного. Кому-то хватало пяти-шести рюмок, чтобы дойти до нужной кондиции. Я думаю, что все остались довольны, а так проводы, как проводы.

Правда, один из малолеток так нализался, что уснул в туалете. Потом он свалился на пол, позабыв даже одеть свои штаны. Дверь пришлось взламывать, так как он её не открывал. И одной из Маринкиных подруг пришлось первой наблюдать эту картину. Одного уносили за руки и за ноги словно труп. Хорошо, что он жил в этом же подъезде. Был ещё один кадр, который заблевал всю ванную и унитаз. Ванная от этого засорилась, а вода не уходила. Матери пришлось попутно убираться и за ним. Один товарищ узнал случайно, что меня забирают, и пришёл ко мне уже изрядно поддатый. После он долго возмущался, что я его не пригласил.

Когда прошла черед тостов, напутствий и дружеских речей, я открыл дискотеку. Последние хиты в стиле «евродиско» и «новой волны» периодически заменялись забоями тяжёлого рока и красивыми медляками разных рок-групп. Наплясавшись, все выходили курить на лестницу, где подтягивались другие пацаны с сильным желанием замазать сотку-другую за мою службу и за моё здравие. Слава богу, драк не было, и от вина тоже никто не помер. Было весело и все, в том числе девчонки, остались довольны. Уже далеко за полночь гости постепенно начали расходиться. Я наверно искренне завидовал им, и в тоже время был рад за них, что они смогли у меня вот так расслабиться, выпить и закусить, сколько душа пожелает, поплясать до упаду под самую клёвую музыку, поприкалываться друг с другом, погорланить песни под гитару, а затем довольными и пьяными уйти домой.

Я же всё это время вёл себя довольно аскетически, – почти не пил, ел тоже мало, больше тратя свою энергию на беседы и проведение самого мероприятия под названием проводы.

Глава третья.

Хмурое утро.

Стояло холодное и хмурое ноябрьское утро. От него шло такое же хмурое настроение. Оно лишь удваивало без того тяжёлую тоску, в которую я теперь был погружён. Все мысли были о близком расставании со всеми родными, друзьями и знакомыми, а также со своим привычным и беспечным укладом жизни. Предстояла разлука со своей девчонкой, с которой я провёл всего четыре месяца. И наконец, предстояло расставание с детством и юностью, которые навсегда останутся в прошлом. А что ждёт впереди? Полная неизвестность.

Утром шёл мелкий дождь. Всё небо было в серых тучах, а в воздухе чувствовалась повышенная влажность. Ещё ночью проводив Маринку после бурных проводов, я вышел на лестничную площадку покурить. Выкурив подряд три сигареты, я неистово скомкал почти целую пачку и выбросил её на чердак. Уже давно я вынашивал идею о том, чтобы бросить курить перед армией. Накурившись досыта, мне казалось, что я смогу больше не прикасаться к куреву. Но как я ошибался в тот момент. Уже потом, в первые часы службы я понял, что единственной отдушиной здесь может быть только сигарета. Она успокоит нервы, согреет и отвлечёт от тяжких мыслей. Но в эту ночь я ещё не знал об этом и думал, что смогу усилием воли преодолеть тягу к табаку.

Порывшись в своём шкафу, я разложил все свои вещи на хранение сроком на два года. Потом я прилёг где-то в полпятого утра. Полежав с полчаса и не заснув, я встал и пошёл на кухню пить кофе. Накануне вечером я пил мало, поэтому похмелья не было. И не до вина мне было в это время. Слегка позавтракав, я собрал рюкзак, положив туда всё необходимое. Хотя многого, что мне потом было нужно, не взял. Не тёплой куртки, ни запасных шерстяных носков, ни варежек, ни перчаток, ни тёплых штанов. Нам же сказали, что всех сразу переоденут в тёплую армейскую форму. И об этом я потом сильно пожалел.

Затем я отправился к своей Маринке, и мы с ней вернулись домой, где нас уже ждали вечерашние гости. Началось утреннее застолье. Двое друзей у меня ещё спали дома на диване. Их разбудили и предложили опохмелиться. На утро гостей было вдвое меньше, чем вчера вечером.

Глава четвёртая.

Прощание.

Опохмелившись, закусив и посидев на дорожку, мы всей толпой дружно поехали на сборный пункт. У ДК «Звезда», где был сбор призывников, я уже издали увидел большую толпу народа. В это утро провожали многих. Уже у остановки были слышны прощальные речи и восклицания с гитарным перезвоном и армейскими песнями. Кто-то пел знакомую всем песню о том, как солдат вернулся домой в цинковом гробу. От такой песни настроение несколько не улучшалось. Было ещё темно, но сквозь ненастье пробивались первые проблески рассвета. Кое-где стоял густой туман. Мы подошли к «Звезде», где встретили знакомых, которые тоже провожали своих друзей.

Наверно многие видели такую картину, когда друзья и родственники с родителями провожают пацанов на службу. Девчонки клянутся ждать их все два года. Друзья подбадривают их перед дорогой, а потом все поют песни под гитару. Таким же призывником, которому только недавно стукнуло восемнадцать, был и я. Прижимая к себе Маринку, я старался ещё что-то ей

сказать, хотя всё что можно было обсудить, мы с ней давно уже обсудили. Будучи абсолютно трезвым, я на всё смотрел довольно угрюмо. Хотя ободряющие речи некоторых родственников и друзей вселяли надежду.

- Ну, ты, это самое, пиши! – говорил один.

- И пиши чаще! – вторил другой.

- Не забывай никого. Мы по тебе скучать будем, – пояснял третий.

Один лихой провожающий ходил в широкой прапорской шинели, был изрядно пьян и провожал видать многих. Я его сразу узнал. Это был парень по кличке Кузен. Увидев меня, он бросился обниматься, крича при этом на всю округу. Но тут незаметно для всех подошёл автобус. Зычный голос офицера, вышедшего из него, поторопил призывников побыстрее прощаться, и усаживаться в пазик. Обнявшись со всеми и пожав каждому руку, я три раза крепко поцеловался с Маринкой и после этого последовал в автобус. Мы всё ещё продолжали высываться из окон, улыбаться, махать руками, крича последние фразы прощания. Но автобус через пару минут тронулся. Оглянувшись в последний раз, я запечатлел в памяти всех, кто был со мной в эти минуты. Особенно запомнилась Маринка, ведь она была такой милой и ласковой в последнее время, что прямо душа моя радовалась.

Глава пятая.

Получение военника.

По пути посадили ещё одного опоздавшего, и через пять минут автобус подъехал к райвоенкомату. Войдя в него, я оглядел всех сидящих. Все были с рюкзаками в старых фуфайках и телогрейках. Я же был в тоненькой болоньей курточке, под которой был один свитер и футболка. Эх, и помёрз же я потом. Но сейчас пока ещё было тепло от слов напутствий и дружеских улыбок, от горячих Маринкиных поцелуев, и наконец, от горячего кофе с сытным завтраком. И я думал, что выехал в самых ненужных вещах, которые и так давно уже надо было выбросить. А остальные шмотки мне ещё пригодятся после службы. Всё, что было на нас пойдёт на тряпки, как потом скажут на протирку танков, бронемашин и прочей боевой техники. В военкомате всех разместили в ленинской комнате и начали пофамильно вызывать. Каждому выдали военный билет, пожали руку, объявляя его отныне защитником Родины и воином Советской Армии. Через час мы опять были в дороге.

Автобус остановился для заправки на хорошо знакомой мне бензоколонке. Старлей, который нас сопровождал, разрешил выйти и в сторонке покурить. Взглянув в последний раз на знакомую мне местность, я подумал – вот бы сейчас углубиться в эти кусты, побежать, а потом вернуться домой, как ни в чём не бывало. Мол, всё, отпустили, не годен оказался. Шутка конечно глупая. Воздержавшись от курева, я задумался о будущем. Армия представлялась, как огромный спортивный лагерь, где каждый день с утра марш-броски и всевозможные тренировки. А потом проходят разные занятия по огневой, тактической, технической и прочим видам военной подготовки. То есть обучение, уроки, занятия, тренировки. Такой вот инсти-

тут. Именно так она мне представлялась благодаря воскресной передаче «Служу Советскому Союзу» и урокам НВП в школе.

Глава шестая.

Путь до Дзержинска.

Наконец автобус двинулся с места, и теперь до самого Дзержинска остановки не ожидалось. А в нём находился пункт сбора призывников со всей области. В кармане куртки лежал новенький военный билет с первыми подписями и с росписью военкома. Говорят, что его надо беречь, как зеницу ока.

Хотелось немного вздремнуть, но как я не пытался – ничего из этого не вышло. Слишком много разных мыслей лезло в голову. Вроде всё прошло хорошо. Никого я не обидел, себя вроде бы тоже. Но что впереди? Какие войска? Куда пошлют? Не на один вопрос не было ответа. Может быть будет интересная служба, много новых друзей, сплочённый воинский коллектив и заботливые командиры. А может наоборот. Но такие мысли я гнал подальше. А впрочем, чего гадать? Самое большее через неделю всё разрешится. Автобус между тем трясса по разбитой дороге, а я по детской привычке устался в окно и разглядывал окрестности. Разные мысли одолевали снова. От кого-то я слышал, что в армии надо всегда держаться за земляков. Они мол, и в беде помогут, и совет всегда дадут. Наконец им можно, как говорится и душу свою излить. У меня уже был один знакомый. Он сидел недалеко, но видимо вчера неслабо принял на грудь и поэтому кимарил всю дорогу. Его я знал через одного товарища, когда мы ходили втроём на дискотеку, да как-то раз в студенческую общагу. И этого было достаточно, чтобы общаться с ним здесь, как с самым старым и закадычным другом. С ним рядом сидел его товарищ, который не спал, а высоко держа голову, смотрел куда-то вперёд. Это был Витька Потанин. Он с моим знакомым Серёгой работал на одном заводе. Я немного разговорился с ним и подумал, что неплохо бы нам втроём попасть служить в одно место. Это было бы здорово. Но я в тоже время понимал, что скорей всего нас рассуют по разным частям и в разные точки нашей необъятной страны.

Дорога казалась бесконечно долгой, потому что автобус ехал крайне медленно. Я опять стал вспоминать вчерашнее весёлое застолье, прощальные речи друзей и родни, их весёлые беспечные лица и оптимистические напутствия в дорогу. Все желали отличной службы и возвращения домой. Но что они знали о службе? Им всё, что там могло быть, наверное виделось в розовом цвете. Ведь не было ни одного человека, который мог бы посоветовать что-то стоящее, от чего-то предостеречь, а на что-то обратить особое внимание. Нет, таких не было. Все они, которых было человек двадцать, ещё не служили. Кто-то проскользнул через неё, как мелкая рыбёшка через сеть, кто-то со дня на день ждал окончательной повестки, а кто-то был ещё слишком мал и в ближайшее время мог не беспокоиться. Были и те, кто имел длинные отсрочки, но всё равно я думаю, что каждый из них чувствовал, что когда-то и им придётся также со всеми попрощаться на время и также отъехать с насиженных мест. Из нашей тусовки я оказался первым. Но, как говорится – кого раньше забрали, того раньше и отпустят.

Глава седьмая.

Осмотр личных вещей.

Тем временем мы уже подъезжали к Дзержинску. На горизонте уже виднелись высоченные трубы местных химических заводов. Но тут двигатель нашего пазика что-то начал барахлить и наконец, заглох совсем. Мы оказались среди берёзового леса. Сопровождающий нас офицер и прапор попросили всех выйти из автобуса с вещами, но далеко не расходятся. А через пять минут старлей объявил построение всех призывников в два ряда, друг напротив друга. Мы спешно покурив и облепившись, начали строиться. Содержимое рюкзаков было приказано полностью выложить и разложить около себя. Старлей опытным взглядом начал проводить досмотр наших вещей.

- Колющие и режущие предметы у кого они имеются, приказываю сразу сдать мне лично, – деловито прокричал он.

- А также взрывоопасные, ядовитые, горючие и горячительные жидкости и напитки, тоже сдать сию же минуту, если таковые имеются.

Потом он ещё раз повторил вышесказанное, будто мы – это банда контрабандистов или террористов, готовящих диверсию. Он изымал даже иголки и булавки, не говоря уже о перочинных ножах, лезвиях и ножницах. Не найдя больше никакого «оружия», он принялся осматривать содержимое бутылок. Вскрывая пробку, он обнюхивал каждую бутылку и фляжку. Если в них был лимонад или компот, то он предлагал владельцу немедленно его выпить и выбросить пустую тару. Или же оставить под ближайшим кустом. Все соглашались на первое. Отчаявшись найти спиртное, старлей повёл нас обратно в автобус.

К тому времени водитель уже устранил поломку, и мы тронулись в путь. Он был уже недолгим и через каких-то полчаса нас встречали дежурные у ворот части, где и находился сборный призывной пункт всей области. Как мы вылезли из автобуса, то нас сразу повели в какой-то барак, где были уже сотни человек, сотни стриженных голов. Я тоже за двое суток до этого коротко постригся под «бокс», чтобы никто не придирался в первые дни. Перед входом какой-то прапор громко объявил:

- Если есть у кого водка или самогон, то милости просим вот в эту комнату. Сдавайте сразу, а то потом хуже будет.

И ещё после небольшой паузы добавил:

- Пиво тоже сдавайте, если есть.

Тут наш провожатый прапор его перебил:

- Семёныч, да у этих ребят нет ни хрена. Мы уже смотрели.

- Ну и ладно. Нам на сегодня и так хватит. Ещё на два дня останется. А потом ещё толпу пригонят, - ответил на это его коллега.

После чего два прапора со старлеем закрылись в своей комнатухе.

Глава восьмая.

Первые друзья.

Мы расположились на свободных лавках и сразу полезли по рюкзакам, доставая съестное. У кого чего только не было: куски сала и бутерброды с колбасой и сыром, ветчина, пирожки, яйца, курица, яблоки и прочие припасы. Вот только попить ничего не было. Всё было выпито по приказу ещё на той зелёной стоянке.

Я, глядя на всех, тоже полез в свой рюкзак, хотя пока есть не хотел. Пожевав в сухомятку бутерброд и не найдя в этом никакого удовольствия, я со своим знакомым Серёгой Богатовым пошёл на улицу покурить. Кстати колбасы после этого я не ел все два года. А что касается курева, то я невольно забыл о том, что лишь этой ночью давал себе зарок – бросить эту пагубную привычку. Ну, да ничего. Пусть эта сигарета будет последней. Надо же, как то держаться. Да и беседа легче идёт, когда собеседники затягиваются один за другим. Почему-то мне казалось, что вместе с табачным дымом в голову больше приходит умных мыслей.

К нам присоединился и Серёгин друг Витька.

- Есть совершенно не хочется после вчерашнего, - начал я разговор.

- Да, действительно. Но сегодня наверно что-нибудь решится, - переведя разговор на другую тему, ответил Серёга.

- Узнать хотя бы, в какие войска попадём. Мне говорили сначала на флот пойду служить, а потом вроде заменили на артиллерию. А на последней комиссии вообще написали связь, - всё размышлял я вслух.

- Вот, как написано в последний раз, туда и попадёшь, - пояснил Серёга.

- А тебя куда? – спросил я.

- Мне сказали, что в танковые.

- А меня в погранцы скорей всего запичужат, - от себя добавил Витька.

- А мне вообще всё равно куда, лишь бы здесь долго не торчать. Кто его знает, сколько нас продержат, - продолжал я рассуждать.

- Могут сегодня увезти, а могут и неделю с лишним продержат, - сказал Серёга взволнованно, а потом добавил :

- У меня был знакомый, так его две недели здесь мурыжили. А ещё один был, так того здесь продержали неделю, а потом опять домой вернули на целых полгода. Так он аж два раза проводы устраивал.

Мы с Витькой изумились и высказали мысль, что неплохо бы было, если нас также бы вернули. Мы погуляли бы ещё полгодика на гражданке.

- Нет уж, увольте. Лучше сразу уйти со своим годом, ведь как ни крути, а два года служить придётся. Тебя только загребнут, а я уже полгода отторабаню и раньше вернусь, - опроверг наше мнение Серёга.

Подумав, мы с ним дружно согласились. А я опять я вспомнил, что бросил курить, но бычок «Астры» был уже меньше носа. После чего я действительно бросил, но только бычок в урну. Это дело я решил немного отодвинуть на будущее, а то сейчас слишком уж много волнений навалилось. Наивно я полагал, что на месте постоянной службы этих волнений станет меньше.

- Как там будет первое время? – подумал вслух Витька.

- Деда выступать начнут, но я просто так им не дамся. Биться буду с каждым поодиночке, - ощетинившись, продолжил Серёга. – Попался бы мне кто-нибудь из них на гражданке.

Я зная его способности по части драк и некоторую задиристость ответил :

- Поодиночке тебе не придётся. Их там много, а ты один. За тебя ведь твой призыв не вступится, а другие тем более.

- Ничего, поживём, увидим, - ответил он.

Но я потом ещё от себя добавил:

- Ну причём здесь деда? Мы служить идём или драться с дедами? Занятия будут всякие – спортивные, огневые и прочие. Уставать будем. Так что будет не до драк.

Глава девятая.

Бешеный день.

В это время всех начали строить, и я подумал, что будет какое-то объявление. Но ничего не объявили, а просто решили нас погонять по строевой. Мы стали отрабатывать общую ходьбу, отдавание чести строем с прижиманием рук и поворотом головы, да ещё некоторые общие упражнения. Но среди нас пошёл ропот, так многим быстро надоело это занятие. Мол, не успели ещё присягу принять, а нас уже гонять начали. Офицер на это обозлился и сказал:

- Ну что ж, не хотите строевой ходить, то стойте целый час. А если плохо стоять будите и сходить со своего места, то ещё дольше простойте. Мы стояли, но ропот от таких речей ещё

больше усилился. Все переминались с ноги на ногу, начинали курить в строю, громко болтать и не обращали внимания на надрывный крик какого-то прапора, которого поставили следить за нами. Кто-то хотел в сортир, другие узнав, что где-то есть буфет, стали роптать ещё больше, призывая всех не повиноваться, а разойтись по углам. Офицер, который нас поставил, видя что его мера, не имеет никакого смысла, приказал всем разойтись и следовать в барак. А всё это построение было из-за того, что мы в бараке громко орали, пели песни, а несколько человек брэнчали на гитарах.

Опять потянулись утомительные часы ожидания своей участи. Где-то часа в три опять стали всех зачитывать и строить. Объявляли кому, в каких родах войск придётся служить. Прошли артиллерия и танки, затем и погранвойска. Нас строго посадили на каждую лавку по десять человек. Кого уже зачитали и направили в какое-то подразделение – те должны были пройти медкомиссию. Они раздевались, оставаясь в одних трусах, и следовали дальше в дверь, где барак соединялся с более солидным зданием. Там и сидела эта комиссия.

Я заметил несколько знакомых лиц, с которыми вместе учился в институте в одной группе. Они тоже заметили меня. С одним из них мне удалось даже перекинуться парой слов :

- Привет! Куда тебя кинули то? – Спросил я паренька по прозвищу «Матроскин.»

- А, в погран, а тебя?

- Я ещё жду, не дождусь, когда вызовут. Ты с институтом то рассчитался?

- Я да. А ты?

- Я тоже. Представляешь, термех в последний день сдавал.

- Ну и как она зачёт поставила?

- Всё хоккей! Ну давай, счастливо тебе.

- Тебе также.

Глава десятая.

Вторая медкомиссия.

После этого быстрого диалога я услышал знакомые фамилии из нашего автобуса. Офицер громко читал их, после объявления о войсках связи. Услышав свою фамилию, я проследовал в строй. Потом мы, раздевшись до трусов, вошли вглубь здания. Оно отапливалось слабо, и идти голышом было не очень приятно. Мы, столпившись в коридоре, начали проходить по очереди всех врачей. Я не понимал – зачем проводить такую комиссию, если несколько дней назад я проходил точно же такую в своём военкомате.

Первым кабинетом был глазной. С глазами быстро, почти формально было покончено. Остальных врачей я прошёл ещё быстрее. В конце был врач, которого все окрестили сексопатологом. В этом кабинете сидело несколько довольно нестарых медсестёр и этот самый врач. В кабинете терапевта мы вставали на весы, потом мерили свой рост, вес, сжимали какую-то ручку, где была шкала, показывающая, сколько каждый из нас выжал. Как я понял, это был силомер. Потом нам говорили делать разные движения руками и ногами. Всё это несколько смущало некоторых, но я уже к этому привык и выполнял всё быстро и машинально.

Наконец закончив прохождение всех кабинетов, мы стали ждать в очереди, чтобы получить медицинское заключение. Там уже сидели офицеры в военной форме.

- Фамилия, имя, отчество, год рождения, домашний адрес, состоял ли на учёте, женат или холост, основное занятие до призыва на службу, образование, членство в ВЛКСМ – вот перечень вопросов, которые задавались каждому. Суровый офицер предупредил, что на каждый вопрос призывник обязан отвечать громко, членораздельно и кратко, то есть по форме. Спрашивали довольно подробно о родителях и ближайших родственниках, и есть ли таковые за границей. Ну а также – есть ли приводы в милицию, стоял ли на учёте в детской комнате, куришь ли ты, и как относишься к спиртным напиткам. Естественно на эти вопросы, за исключением курева, все отвечали отрицательно. Я в том же духе отвечал : нет, не было, не имею, не привлекался.

Сделав заключение о годности к строевой службе, меня наконец-то отпустили одеться. Мы наспех одевались, так как нас опять начинали строить.

Глава одиннадцатая.

Приличный ужин.

После комиссии мы уже не сидели в бараке, а стояли на улице строем. Уже стемнело и появились первые признаки голода. Но вот нас куда-то повели. О! Да это же в столовую ! Но ещё пару часов мы толкались возле неё, пока не подошла наша очередь.

А на улице было несладко. Дул сильный ветер и моросил дождь. Курить было строго запрещено, а единственное, что можно было делать – это смотреть вперёд в спину своего товарища. Какой-то толстый прапор с голосом похожим на рёв тигра орал:

- Быстрее! Бегом! Ещё быстрее, салаги!

Он попутно указывал каждой четвёрке стол, где мы должны расположиться. В одной группе последовали и мы с Серёгой и Витькой. Увидев довольно приличный ужин с горячими щами, мы накинулись на еду. На второе были макароны с сарделькой и яйцо. А на третье – стакан чая и пирог. Прапор торопил всех:

- А ну расселись, как в ресторане! Давай ка на выход, строится выходи! Кроме вас ещё человек двести должно быть.

Мы выходили на улицу, где опять стояли в полном бездействии. Нас снова строили, куда-то отводили и пересчитывали.

Это был довольно редкий по цивильности приём пищи, как называли в армии посещение столовой. Впереди ждали долгие дни голодухи и острой нехватки.

Глава двенадцатая.

Путь до вокзала.

Рядом набирали пополнение в морфлот, где бывалые старшины во главе с мичманом строили своих подопечных, объясняя им место назначения, и чего-то рассказывая о флоте. Один из старшин разговаривал с ними как-то не по военному, я бы сказал даже ласково. Этим ребятам я немного позавидовал, потому что тоже сначала хотел служить в морфлоте. Мне даже подтвердили в военкомате, что в связи с профилем моей будущей специальности – моё место только там. Но я туда особо не просился, так как три года это всё таки не два. Вот если бы там служили такой же срок, как в сухопутных войсках, то я с удовольствием пошёл бы туда.

Тем временем нас никуда не вели, а было уже часов десять. Но на территории части никто и не думал о сне. О нём думали только мы. Тут и там сновали колонны. Одни без конца строились, а другие всё время стояли. Вокруг было более полутысячи человек.

Но вот после долгого стояния к нам пришёл какой-то молодой старлей, пересчитал нас и повёл на выход из части. Мы вышли за ворота, и пошли по ночной дороге. Недалеко стоял автобус, куда нас погрузили, а потом повезли на вокзал. Быстро доехав до него, автобус встал, но нас всё равно не выпускали, так как офицер видимо боялся, что кто-то потеряется, или совсем сбежит.

С нами было два солдата – по всей видимости старослужащие или дедушки, как принято их называть. Но дедушки были рядовые. Ещё перед уходом наш старлей посылал меня в казарму, где по названным мне фамилиям, я искал этих самых дедушек. Один из них сладко спал на лавке. Увидев его, я громко спросил:

- Мне нужен рядовой Волков. За ним меня старший лейтенант Голубев послал.

- Ну, я, Волков. А ты кто такой?

Меня немного смутил его странный вопрос. Увидев моё замешательство, он задал ещё более странный для меня вопрос:

- А у тебя деньги то есть?

- Да нет, откуда? Зачем они мне здесь? - отвечал я.

Он видимо не очень поверил и недовольный ушёл искать своего напарника.

- Эй, Мыкол, пойдём! – слышался его голос в конце коридора. – Наверно поедем уже.

Потом мы ехали с ними вместе в автобусе. После остановки у вокзала они выскочили курить, а офицер наказал им следить за нами и никого не выпускать из автобуса, который переполнен был до невозможности. Мне пришлось стоять и давится целый час. В нём наверно было человек сто. Все орал, возмущаясь и матерясь, что их не выпускают на свежий воздух перекурить. Водитель двери не открыл, а сам куда-то свалил. Но наконец, подошёл старлей, и нас повели на вокзал. Ещё прождав поезда наверно с час, мы всё таки сели в него и стали располагаться.

Глава тринадцатая.

Поборы в поезде.

Мне удалось занять вторую полку плацкарта. Усталость была страшная, но наконец-то выпала возможность поспать, вытянув ноги, в довольно тёплом вагоне. Я ещё пока не знал, что эта последняя тёплая ночь за этот месяц. Витьку с Серёгой я потерял из виду, но знал, что они где-то в вагоне. Связь, так связь – подумал я о своём распределении. Уже один день можно сказать отслужил. И с этой мыслью я мгновенно заснул.

Среди ночи меня кто-то начал толкать в плечо. Я открыл глаза и перед собой увидел того самого дедушку по фамилии Волков. Он отчеканил, как мне показалось давно заученную фразу:

- Старший лейтенант Голубев приказал со всех собрать по червонцу. Завтра вам что-то должны выдать из продуктов. Давай короче, не один ты у меня.

- Да у меня вроде и нет ничего, - ответил я ему.

- Ой, не надо мне мозги пудрить, а то я не знаю, что вам на дорогу мамка с папкой суют.

Но в этот момент его позвал напарник, и он оставил меня в покое. Я перевернулся на другой бок и продолжал спать. Не знаю, сколько прошло времени, но он опять меня разбудил и протараторил:

- Ну чего! Все уже сдали. Один ты у меня остался. Давай короче чирик.

Мне в это время уже снился какой-то сон, а этот идиот перебил мне его. И чтоб он наконец отвязался, я достал из кармана штанов красненькую. Пусть подавится. Мне всё равно сейчас деньги уже не нужны. Дедушка сразу скрылся в глубине вагона. Насчёт офицерского сбора денег в ночное время и так мне всё было понятно. А дедушки видать крутятся здесь, как только могут. С этой мыслью я опять провалился в глубокий сон. Он мне сейчас был дороже, чем какой-то несчастный червонец.

Глава четырнадцатая.

Холодная ночь в Москве.

Под утро, ещё до рассвета нас начали всех будить и мы спешно одевшись, строились на перроне. Это была Москва. Пересчитав нас, повели к зданию самого вокзала. Пospать удалось немного, и теперь пришлось на жутком холоде ждать электрички до Калинина. На вокзал в тепло нас так и не пустили и мы, как собаки дрожали на ветру. Вот тебе и покимарили! Напротив - яркой неоновой иллюминации горели буквы - Ленинградский вокзал. Офицер и один из дедушек ушли в тёплое помещение вокзала, якобы узнавать, когда будет электричка. Его напарнику было приказано оставаться с нами, следить за всеми и с места не сходить. А те пришли с вокзала через два часа. За это время все страшно продрогли. Все переминались с ноги на ногу, ходили взад-вперёд и даже начинали присядать. Короче пытались как-то двигаться, чтобы хоть немного согреться. Я начал стрелять сигареты, и курил одну за одной, убивая время. Разговаривать было лень даже со знакомыми, а главная мысль была о том, как бы уйти в помещение.

Уже почти рассвело, и старлей повёл нас наконец-то на перрон, где уже стояла первая электричка. А я всё думал – ради чего нас держали на морозе столько времени? Ему разве было трудно, разместить нас в зале ожидания? Этого я никак не мог понять. Лишь спустя время мне объяснили:

«Чтоб служба мёдом не казалась».

Вокруг стоял туман, было сыро и грязно. Но в электричке мы разместились довольно уютно. Многие сразу откинулись и заснули. Но некоторым было явно не до сна. Они травили анекдоты, всячески веселили друг друга, чего-то рассказывали и смеялись. Короче говоря – не унывали. А наш путь занял всего пару часов.

Глава пятнадцатая.

Приезд в калининский лагерь.

Приехав в Калинин, мы пересели на рейсовый автобус и доехали на нём до окраины города, где располагалась танковая часть. В неё вошли строем и остановились около плаца рядом с забором. Нам разрешили позавтракать своими припасами. Все разбрелись по углам. Человек тридцать село на бугорок вдоль забора и начали уминать содержимое своих рюкзаков. Полетели консервные банки, обёртки конфет и прочий мусор. У многих, в том числе и у меня припасы были на исходе. А некоторые как будто в первый раз открыли свои закрома. Я съел пару бутербродов с сыром, так как с колбасой уже закончились. Потом проглотил пару пирожков и пару конфет. Больше и есть почти нечего было. А продержаться надо целый день, так как нас кормить собирались только с завтрашнего дня.

Серёга чего-то вдруг повеселел и закричал :

- Мужики, не унывайте! Ведь мы прослужили уже целый день! Вы представляете!

Все на это только улыбнулись. После чего Серёга открыл два блока болгарских сигарет «ТУ» и «Родоппи» и начал раздавать по пачке всем желающим.

- Берите, чтобы с куревом все были! Чтоб не загнуться нам всем здесь раньше времени! – кричал он от всей души.

Все обрадовались такому благотворительному поступку и быстро расхватали оба блока. Кто был поодаль – подошли слишком поздно и им ничего уже не досталось.

Потом подошёл старлей Голубев и сразу начал ругаться:

- Это что за мусор вокруг? Банок то сколько накидали. Немедля всё убрать! Чтобы ни одной соринки здесь не было! А то устроили свалку, понимаешь ли!

Мы стали нехотя кидать весь мусор за забор. Очистив лужайку, все присели покурить. Тут появился какой-то прапор из этой части и толкнул нам речь :

- Теперь ваша гражданская жизнь закончилась. Настала новая армейская, с непривычки может и тяжёлая, но интересная и полезная для вас же самих. Здесь лагерь, где вы будите находиться до тех пор, пока не отправят на место вашей основной службы. Будите жить в палатках, которые находятся недалеко отсюда. У нас их всего сорок. Каждая рассчитана на пятьдесят мест. На сегодня они пока ещё все заняты, но я думаю, до вечера решу вопрос о предоставлении вам двух свободных палаток. Их должны скоро поставить и ночь вы будите спать спокойно. Питаться вы будите в солдатской столовой при части. Сегодня доедайте свои домашние припасы, а завтра вас поставят на довольствие. Так что завтрак вам обеспечен. По всем возникающим вопросам обращайтесь лично ко мне. Я здесь ваш первый и прямой начальник.

Он немного взбодрил нас своим, я бы даже сказал по отечески ласковым тоном. Все ждали, что же он скажет дальше.

- А теперь будем переодеваться. Сейчас вы всё своё шмотьё снимите и одените настоящую солдатскую форму. То есть нижнее бельё, ХБ и бушлаты. Получите также шапки, ремни и сапоги.

После небольшой паузы он прокричал зычным голосом:

- Строиться!

Глава шестнадцатая.

Новая одежда.

Мы все построились, и прапор стал зачитывать всех пофамильно. Услышав свою фамилию, каждый был должен громко ответить – я! Потом мы подошли к вещевому складу, где

нас ждал местный старлей. По всей видимости это был интендант-вещевик. Он открыл склад и прапор начал вызывать нас по десять человек. Первая десятка, получив всё необходимое, начала быстро переодеваться. Потом пошла вторая, третья и так далее. Я оказался в самом конце. Когда наконец дошла моя очередь, то я, получив форму, последовал с нашей группой на лужайку. На морозе мы снимали все свои пожитки, оставаясь полностью голыми. Все спешно одевали белые кальсоны с рубахой, а затем ХБ, состоящее из штанов и кителя. Кителя были без петлиц и без погон. Потом кое-как наматывали портянки, совершенно не зная, как это делается. На лужайке после нас остались валяться огромные кучи разного тряпья и обуви. Кто-то распрощался с довольно новыми джинсами, кто-то с хорошей телогрейкой с меховым воротником, кто-то с приличным свитером и меховой шапкой. Далеко не все ехали в рванье и драпье, которое можно только выбросить на свалку. Некоторые до этого даже надеялись, что вещи можно будет переправить домой. Но здесь этим заниматься некому, да и накладно всё это. Мне же пришлось распрощаться лишь со своим новым и тёплым свитером.

Между тем прапорщик объявил:

- Видите, какие горы хлама оставили вы после себя. Теперь ваши майки, трусы, штаны и рубахи пойдут на тряпки для протирки боевой техники. Это очень нужное дело для нашей армии.

После чего нас отвели немного поодаль, где прапор начал говорить о мероприятиях на завтрашний день. А в это время на нашей одёжной куче разыгрывались события. Солдаты этой части насели на неё, как мухи на гавно. Они рыскали тут и там, рыли эти кучи, как кроты, выискивая себе что-нибудь подходящее. Кто-то даже прикидывал на себя какие-то джинсы, другому явно понравилась тельняшка. Мерили даже обувь, а двое чуть не разодрались из-за какой-то рубахи. Но выбрав себе что-то хорошее, они сразу удалялись. Потом офицер-вещевик шугнул их всех и приказал двум своим солдатам перетаскать всё это на склад, чтобы ничего на улице не валялось.

Далее нам сказали разойтись и ждать дальнейших распоряжений. Мы, переодевшись, не очень уютно чувствовали себя в новом обмундировании. Кому-то были малы сапоги, другой провалился в не по размеру огромную шапку. Кто-то жаловался, что в новой одежке не очень то согреешься. Мне тоже было неуютно, но больше всего раздражало то, что пуговиц на кальсонах не было и из-за этого они задирались кверху, поэтому приходилось снимать сапоги и их постоянно поправлять. Портянки же постоянно сползали и мялись в сапогах. Некоторые их просто клали поверх сапога и сразу всовывали ногу. Они были осенними из обычного полотна. Тем, кто выбросил носки, то в них было довольно прохладно. Ну а тот, кто был поумней, ради своего же здоровья, несмотря на приказ выбросить всё домашнее, включая трусы, майки и носки, всё же оставил это на себе, то им было гораздо теплей. Я тоже всё это оставил и одел кальсоны на трусы, рубашку на тельняшку, а портянки на носки. А то бог его знает, сколько ещё здесь куковать придётся. Ведь погодка то – не май месяц. Плевать на их тупые приказы, но я мёрзнуть не собираюсь. Потом я подумал – почему нас держат на улице сутками ? Хоть бы в какое-то, даже плохотапливаемое помещение, но запустили бы. Чего им стоит ? После чего я с завистью посмотрел на казарму. Там люди сидят в тепле и не мёрзнут, как мы здесь на открытом ветру. Скорей бы нас разместили где-нибудь. Сейчас об этом думал каждый. Скорей бы в палатку, где есть нары и можно покимарить. Там говорят, печки-буржуйки топятся. Но этого надо было ещё дожидаться.

Глава семнадцатая.

Земляки и шакалы.

Тем временем местное население части, в основном из числа кандидатов начинали нас одолевать. Ещё когда мы только входили в ворота части, они нас приметили. Видно весть о том, что прибыл новый молодняк, мгновенно разнеслась по округе. И многие из них ринулись, чтобы чем-то поживиться. Видно с тех, кто уже жил в палатках, они собрали всё что можно и ждали свежую партию. Когда с нами был прапорщик, то они побаивались близко подходить, так как он уже несколько раз их отгонял, как назойливых и голодных собак. Они стояли поодаль, метров в пятидесяти от склада. Но когда прапор ушёл, то они сразу налегли. Сначала подойдя к нам, тон у них был мирным. Они искали земляков, рассказывая им о своей службе. Если кто-то был из Горького или даже с области, то для нас такие оставались доброжелательными во всех отношениях. Находились даже земляки из одного района, из одного посёлка, а двое встретились вообще из одной деревни. Они даже раньше знали друг друга. Многие находили в разговоре общих знакомых и рассказывали о последних событиях на родине. Они обнимались, жали друг другу руки, хлопали по плечу, улыбались, громко восклицая в бурном потоке нескрываемой радости. Но таких было не так уж много. Многие, видно уже прознали, что прибыли горьковские, услышав это от своих сослуживцев. Ведь когда мы ещё проходили мимо КПП, дежурный поинтересовался, откуда мы прибыли.

Но другие, не найдя своих земляков, решили что-нибудь получить от нас. Первым вопросом конечно, были деньги. Ко мне подошёл один длинный в шинели и спросил :

- Эй, молодой, у тебя «бабки» то есть?

- Откуда, ещё в поезде всё отдал, - отвечал ему я, - сейчас у самого ни копейки.

- Не надо мне лапшу вешать! А то я не знаю! Вы же из дома едите! Неужели вам мать не сунула хотя бы чирик на дорогу. Но они вам больше не понадобятся. Вас отсюда никуда не выпустят, даже до ближайшего магазина. А мне скоро домой и на дембель себе надо что-нибудь прикупить. А ты тут мнётся!

- Да я правду говорю. Нет ни хрена.

На это он только прошипел:

- Ну, смотри, ты мне ещё попадёшься.

Потом с таким же вопросом и монологом он пошёл искать счастья у других наших товарищей. В одной кучке было человек шесть, и кто-то видно сжалился над несчастным и отвалил ему несколько рублей. Чтоб не надоедал больше. Но многие из наших или были без копейки в кармане или отвечали, что сами всё потратили.

Тут подошли два местных прапора и один из них крикнул старикам:

- Ну, чего налетели? Здесь что мёдом намазано или пряники бесплатно выдают? А ну давай отсюда по своим норам! Ишь, увидели молодых. Забыли, как сами такими же были.

Они с неохотой начали отходить. Многие, не настреляв ни гроша, уходили недовольные.

- Строиться! – В который раз зычно прокричал прапорщик.

Это слово теперь стало самым частым, произносимым для нас от самых разных начальников и кураторов. Мы, привыкшие к этой команде, быстро построились.

- А теперь, шагом м-марш!

И мы пошли по направлению к самому лагерю.

Глава восемнадцатая.

В лагере.

У входа в лагерь нас встречала толпа таких же призывников, которые жили здесь уже далеко не первый день. Они рыли какую-то канаву, но увидев нас, сразу бросили это занятие и с их стороны полетели вопросы:

- Вы откуда?

- Из Горького. Горьковские все.

- А из Арзамаса есть?

- Есть, есть из Арзамаса.

Он подбежал к кому-то из обнаруженных земляков, успев обменяться с ним парой слов. Я только услышал концовку их разговора:

- Ну ладно, ещё увидимся. Здесь вы будите долго. Я зайду к тебе.

- Заходи, конечно, - ответил ему наш паренёк.

Когда мы прошли, они опять принялись копать. Мы же пройдя весь лагерь, встали в самом конце. Там было пустое место, где вероятно и должны были поставить новые палатки для нас.

- Разойдись! – скомандовал прапорщик.

Я оглядел лагерь. Он представлял собой чуть более сорока палаток. Они были из зелёного тента длиной метров десять и шириной метров пять. На территории лагеря было два грибка, под которыми постоянно дежурили дневальные. Они были из числа призывников. Рядом было

два блока умывальников. Территория на три метра от каждой палатки была тщательно взрыхлена и постоянно рыхлилась граблями. Каждая палатка имела трубу, и все они усиленно топились. Из каждой трубы валили густые клубы серого дыма. Чуть поодаль я заметил обилие брёвен и несколько уже сложенных полениц. Здесь заготавливали дрова для печек-буржук.

Призывники, которые уже здесь жили до нас, везде шныряли, курили и стояли группами. У других же палаток наоборот всех бесконечно строили, и они часами стояли, как истуканы. Перед входом в лагерь висел большой красный пожарный щит со всеми инструментами для тушения: лопатой, ведром, киркой и топором. Рядом был ящик с песком. Вдалеке виднелись несколько сарайчиков, где уже был высокий забор с колючей проволокой. Вместо ворот при входе в лагерь был шлагбаум, у которого стоял постоянный дежурный. Около умывальников был сортир, и оттуда тяжёлый воздух далеко распространялся по округе. Там всё было в грязи, кругом лежали кучи мусора. Около них уже кто-то копошился. Видимо приказали их убрать с глаз долой.

В лагере жило около двух тысяч человек. Из многих городов и областей нагнали сюда призывников. Они здесь также были из Кировской, Калининской, Ивановской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской областей. Этот лагерь являлся крупным перевалочным пунктом. Но куда? Начавшиеся разговоры с теми, кто жил уже здесь, позволили выяснить, что отсюда посылают только за границу. Говорили, что первыми уехали ребята в Афганистан. Сначала в учебку конечно. А потом уже туда. Это было ещё в октябре. Сейчас заканчивается отправка в Венгрию. Следующей на очереди идёт Германия и Польша. И деды, которые ещё подходили к нам у склада, тоже говорили, что нас пошлют только за рубеж. На что они и нажимали, чтобы выманить у нас «бабки». Мол, там своя монета и советские деньги вам не нужны будут, так как на них ничего не купишь. Слухи теперь подтвердились и первое время многие радовались, что Афган точно им не светит. Вопрос службы за рубежом, а именно в Европе, стал сразу бурно обсуждаться в нашей среде. Это означало, что всех должны сразу направить в действующие войска, минуя учебку, которых за границей в помине не было. Все стали вспоминать, что они слышали от своих друзей и старших братьев о службе в Европе. Больше всех пацанов в это время служило в Германии (ГДР). Об этом знали многие. И от того, что мы будем служить на западе, настроение у многих поднялось на более оптимистический лад.

Глава девятнадцатая.

Кошмарная ночь в палатке.

Но вот, наконец прибыл наш прапорщик и сказал, что новых палаток нам ставить не будут, так как их просто нет. Время было уже позднее, но нас он обещал расселить по другим палаткам. Сказав это, он удалился, но потом вернулся, построил нас и довёл до двух палаток в начале лагеря. Мы к этому времени уже окончательно продрогли. Все подняли воротники у бушлатов и опустили уши на шапках, завязав их у подбородка. Наконец прапор пришёл опять и сказал:

- Вот в этих двух крайних палатках вы и будите жить. Пятьдесят пойдут в одну и пятьдесят в другую.

Мы разделились на две группы. В каждой палатке уже спало по пятьдесят человек. Она и была рассчитана на такое количество, так как в ней на нарах было всего пятьдесят спальных мест. Но получилось, что там уже будет сто человек, то есть в два раза больше, чем положено. Но ладно хоть так, а то я вообще стал думать, что придётся ночевать на морозе. Спать хотелось ужасно и поэтому все мысли сводились к тому, как бы поскорей забраться на нары и упасть. Хоть в тесноте, да не в обиде. Но увы! Всё обстояло гораздо хуже, чем мы предполагали. А как только зашли туда, то все сразу стали занимать места на нарах. Кто вошёл в числе последних, а к ним относился и я, тем уже не досталось свободных мест. Многие ещё как-то пытались втиснуться между лежавшими, или примоститься у них в ногах. Скоро и эти места были заняты. Если кто-то вздумал сходить в туалет среди ночи, то его место моментально занималось, и выбить занявших никакими силами было невозможно.

Вещи свои все побросали под нары. В конце палатки стояла буржуйка, но тепла от неё было явно недостаточно. Она топилась дровами, и дежурный истопник сидел около неё, следя за тем, чтобы в ней был постоянный огонь. Он периодически подкидывал в неё маленькие поленья и щепки от них. Истопников назначали по двое, и они дежурили целые сутки, а ночью меняли друг друга каждые два часа. Перед нарядом им положено было поспать. И после ночи видимо тоже. Горе тем, кто засыпал ночью около печки, а она тухла. Тогда холод мгновенно заполнял палатку и спавшие начинали просыпаться от наступившего озноба. А видя, что печка не горит, то на чём свет стоит, все начинали проклинать незадачливого дневального.

Но это всё я увидел потом, а сейчас меня больше интересовал вопрос – где же всё таки спать? Жившие здесь до нас призывники были явно недовольны нашим приходом. Во первых они крепко спали, а мы своим появлением нарушили их покой. А во вторых им, как никак пришлось немало потесниться и они стали испытывать явные неудобства. Тем, кому не досталось места, стояли в замешательстве в середине палатки, ища взглядом какую-нибудь более менее свободную дыру, хотя бы площадью с половину квадратного метра. Но всё, что можно было занять, уже было занято. В палатке стоял полумрак, а свет от печки освещал только ближайšie три-четыре метра. Кто-то уже устав стоять, проговорил:

- Ребя, да плевать чай, ложись на пол! Делать то всё равно ничего не остаётся. Никто нам лучших условий не предоставит.

Так мы постепенно стали устраиваться на полу. Он был земляной и лишь посередке лежали два деревянных настила от буржуйки и до входа. Плюнув на всё, я положил под голову свой худой рюкзак и лёг на этот настил у опоры, на которой держалась палатка. Я считал, что ещё неплохо устроился, так как некоторым пришлось спать на земляном полу около прохода или под нарами. А я ещё относительно близко был от буржуйки. Чтобы не замёрзнуть, я опустил уши на шапке и туго их завязал. Также поднял воротник, а под нос положил рукавицу. Вот в таких условиях мы и заснули глубокой ночью.

Около буржуйки я заметил одного старослужащего, который сидел на просторном месте, как король на именинах. У него было несколько одеял и подушка. Это был дежурный из местной части. К нему то и дело ходили его сослуживцы из других палаток, такие же дежурные, как и он сам.

Весь пол в палатке был занят нами, и не было ни одного свободного метра. Поэтому всю ночь была слышна матерная ругань, крики и проклятья в адрес нечаянно на них наступивших. Если кто-то спал в конце палатки решил ночью выйти поссать, то ему приходилось в полной

темноте пробираться через тела спавших товарищей. Кому-то ночью наступили на лицо, кому-то сапогом отдавили руку, а кто-то занял чужое место и не хотел его покидать. Вся ночь проходила в каком-то кошмаре. Мне тоже наступил на ногу один из проходивших дежурных. Они не спали, играли в карты, то пили вино, обильно закусывая. С нар никто старался не вставать, боясь, что их место займут или они сами его потом не найдут в темноте. В таком кошмаре я всё таки кое-как заснул.

Глава двадцатая.

Знакомство с Вещуком.

Наступило утро. С криком «Подъём !» мы проснулись. Всем было приказано выходить из палатки и строиться. Вставать явно не хотелось, но крики усилились и участились, поэтому пришлось подчиниться. На улице ещё было темно, а страшный холод сковал тело. Нас, уже построившихся, держали ещё часа полтора на морозе. Всех раза по три пересчитывали, раза три каждый прокричал «я !» Потом сержант, который нас строил, сказал, что через полчаса мы пойдём на завтрак. А сейчас надо всем умыться, почистить зубы, пару минут перекурить и опять строиться.

Это был сержант Вещук. Лишь потом я понял, что он являлся классическим образцом советского сержанта-уставника. Хотя он и был солдафоном, но знал своё дело, был строг, но всё же справедлив. Он не разводил с нами панибратства, но в среде своих был довольно общителен. Обладая зычным командирским голосом и суровым внешним видом, он молодым одновременно внушал и страх и уважение. Ему сразу подчинялись. Он мог нам понравиться хотя бы тем, что не задавал глупых вопросов, типа «есть ли у тебя деньги?» Несмотря на суровость, он в дальнейшем просто так нас матом не крыл и никого не оскорблял. Тем более никого не тронул и пальцем. Только голосом. Сам он был высокого роста и неплохо сложен. Что он сержант ясно было издалека. Раньше он командовал в учебке, где не было такой дедовщины, которая процветала в обычных частях.

Глава двадцать первая.

Первый завтрак в лагере и второй смотрящий.

И вот мы с новым смотрящим пошли в столовую. Она была метров в трёхстах от лагеря. Там нам ещё долго пришлось ждать своей очереди. Но вот, наконец запустили и нас. Сняв шапки перед входом, мы по одному бегом устремились в здание. Видно солдаты этой части, да и весь лагерь уже позавтракали. А мы были последними.

Столовая была очень просторной и состояла из двух огромных залов. Нам выдали несколько столов, и мы, усевшись на длинных деревянных лавках, стали ждать команды, когда можно начать приём пищи.

Вместе с сержантом был ещё один рядовой, как выяснилось позже, прослуживший один год. Он непосредственно командовал нами, и всё время нёс какую-то ахинею:

- Эх, вот теперь я отыграюсь на вас! Ну, салаги, взяли ложки!

После этой фразы мне стало ясно, что досталось бедняге по молодости от дедов. Он стал раздавать всем картошку, черпая её из бачка и раскладывая по тарелкам. Её всем хватило лишь по три ложки. Кроме неё была ещё какая-то тушёная капуста, которой на всех тоже было маловато. Чай был без сахара. Хлеба хватило каждому по одному куску.

- Ничего, давайте, жрите! Это вам не домашние харчи. Здесь больно то не разжиреете, - кричал нам новый смотрящий.

Звали его Саней, и с речью у него было что-то не в порядке. Он не говорил, а выкрикивал, посыпая каждую фразу громким и обильным матом. Всем он раздавал щелбаны и затрещины, поучая и подгоняя при этом. Видать, он был недалёкий человек, как потом выяснилось из какой-то деревни под Воронежем, где работал в колхозе трактористом. Был Саня плотного телосложения, невысокого роста, довольно коренастый со светлыми волосами. Рожа его была самодовольной и глуповатой. Но парень всё же был простой и разговорчивый. Хотя дальше говорить с нами на равных упорно не хотел. Но это ему не всегда удавалось. А наговорившись по душам с кем-то из наших, он в конце разговора всегда ставил на место своего собеседника. При этом повторял, что нам салагам многое не положено и вести себя нужно так, как скажет он, а не иначе. В некоторые вечерние минуты, уже потом, когда мы все сидели в палатке возле буржуйки и отогревались, он расспрашивал нас про домашние дела, просил рассказать какую-нибудь историю или анекдот, любил любовные приключения.

Тем временем завтрак был закончен. Сержант Вещук прокричал всем :

- Встать! Закончить приём пищи и выходи строиться.

Ещё не дожидаясь последнего кусочка, все нехотя стали выходить на улицу. Идя мимо столов, многие старались зацепить лишний кусок хлеба и их карманы бушлатов стали заметно оттопыриваться. Явно не наевшись, я тоже начал по пути тайком хватать хлеб, стараясь чтобы не Вещук, ни этот колхозник ничего не заметили.

Один из старослужащих видно поздно пришёл и ещё сидел завтракая. Увидев, как я таскаю хлеб с соседнего стола, он махнул мне рукой, подзывая к себе. Я сначала даже испугался. Ведь хлеб я таскал уже заготовленный для обеденной смены и думал, что он мне сейчас прочитает мораль, но дед сказал:

- На держи печенье, вот ещё вафель пачка и конфеты. Бери! Я когда-то сам был таким. Всё помню. Нам тоже не хватало, и хлеб приходилось со столов тырить.

Я быстро сообразив, всё рассовал по карманам и отблагодарив его, вышел вместе со всеми. Слава богу, что Вещук с этим Саней-колхозником ничего не видели. Они отвлеклись, о чём-то базаря с поваром. Но оказывается Вещук видел, как мы таскали хлеб, на что после построения сказал:

- Первый и последний раз предупреждаю – кто будет брать чужой хлеб и набивать ими карманы, тот пойдёт в казарму мыть полы или в наряд на кухню. Не дай бог, ещё раз такое увижу!

После этого Вещук заставил всех выворачивать свои карманы. У кого он находил хлеб – те должны были сразу съесть его. Все остальные стояли, наблюдая за этой процедурой.

- Вам чего не хватает? Не слышу? Выйдите кому не хватает!

- Хватает, хватает, - слышались крики из строя.

Вещук, успокоившись, закончил:

- Ну ладно. Две минуты перекурить и строится.

Мы потянулись за сигаретами. В этот раз я стоял во второй шеренге, поэтому был избавлен от процедуры поедания хлеба. Вещук проверял только тех, кто стоял в первом ряду. После перекура мы построились и пошли в лагерь.

Глава двадцать вторая.

Третья медкомиссия.

Казалось, что время постепенно потянулось. После завтрака всем было сказано ждать дальнейших распоряжений около палатки, но это не подействовало и многие забрались вовнутрь и растянулись на нарах. Так как спать хотели не все, то свободных мест было предостаточно и можно было, плюнув на всё, немного покимарить. Но долго кимарить не пришлось, потому что где-то через час было приказано строиться и нас повели... куда бы вы думали? – На очередную медкомиссию. Она была уже третьей, но в этот раз в полевых условиях. В самом конце части, куда нас привели, стояло шесть палаток. Они соединялись между собой узкими коридорами. Погода стояла морозная и дул пронизывающий насквозь ветер. И в таких условиях нам пришлось пребывать часа четыре, пока наконец все не прошли эту совершенно ненужную комиссию. Палатки не отапливались. А нам пришлось полностью раздевшись, в одних трусах, бегать из одной в другую. В первой был глазной, во второй - невропатолог, в третьей – терапевт и так далее. Короче вся эта процедура была не из приятных. Но мы, стиснув зубы, чтобы они не стучали, формально пробежались по всем этим врачам. Говорили, как обычно – жалоб нет, ничего не беспокоит, ничего не болит.

Потом одевшись, побрели в лагерь. Нас никто уже не строил, так как многие уже были там. Подумать только – четыре часа мёрзнуть ради того, чтобы в третий раз узнать, что у тебя всё нормально. Может результаты тех предыдущих комиссий до них просто не дошли, и они заново проводили свои обследования. Но более формальных подходов к ним, я ещё не видел.

Глава двадцать третья.

Начало большого голода.

Тем временем дело шло к обеду, и голод вновь напоминал о себе. В столовой опять была та же картина. Второго на всех не хватало, а на первое был совершенно пустой бульон, где плавали мелкие кусочки капусты. Киселя было лишь по полкружки, а хлеба по два куска. Вот и весь обед. Опять многие напихали хлеб в карманы, тыря его с соседних столов. Опять Вещук у кого-то его заметил и пообещал отправить в наряд на кухню.

И потом каждый раз, выходя из столовой, все ощущали острую нехватку. А самой основной пищей для нас теперь станет чёрный хлеб, который удавалось натаскать со столов. Иногда был и белый. Кроме него, бульона и несладкого чая мы в течении трёх недель жизни в лагере практически больше ничего не видели. А хлеб можно было потом спокойно пожевать в палатке.

В столовой каждый стол был рассчитан на двенадцать человек – шесть с одной стороны и шесть с другой. А нас садилось двадцать и поэтому неудивительно, что на всех не хватало.

Глава двадцать четвёртая.

Работы на объектах.

Первое время после завтрака и обеда нам удавалось по часу вздремнуть, так как в это время командиры думали, чем бы нас занять. Они потом всем находили работу. Кого отправляли на заготовку дров: пилить, рубить и складывать их в поленницы. Кого-то направляли на близлежащие предприятия, где под наблюдением сержантов или приставленным к ним старослужащих, мы убирали территории каких-то хозяйств, складов, гаражей.

Обычно там мы работали с удовольствием. Ведь общаться с гражданскими было куда приятней, чем с офицерами, прапорами или сержантами. Один раз водили нас на какой-то металлообрабатывающий завод – подносить и уносить детали, складывать и грузить их, убирать стружку, подметать цеха. Там рабочие нас угощали пивом, а некоторые кое-чем и покрепче. Они нам приносили печенье и конфеты, дарили целые пачки сигарет.

Наши дежурные, сдав нас мастерам и рабочим, сами уходили в город по своим делам. Они по идее должны быть вместе с нами и руководить. Но зная, к какому времени за нами надо придти, они каждый раз сваливали, так как их всё равно никто не проверял. Нам же строго-настрого было запрещено покидать территорию предприятия и тем более уходить в город.

Мы, то рыли какие-то канавы, то разбирали всякие свалки. Нас как-то раза три возили на автобусе в самый конец Калинина на стройку. Там разбившись на бригады, с назначенным бригадиром, мы перекидывали кирпичи, убирали от мусора комнаты только что построенного здания, рыли канавы для водопроводов, кололи лёд.

В одной бригаде бригадиром назначили меня. Мы досрочно сделали всю работу, которую нам предоставили, и ещё добрых два часа отдыхали и балдели в одном из кабинетов этого

здания. За это время я познакомился со многими своими однопризывниками, а с некоторыми даже подружился.

Я был не против всех этих работ, так как они хоть как-то разнообразили нашу без того скучную и серую жизнь в лагере.

Глава двадцать пятая.

Новые командиры.

В определённые часы нам проводили политинформации о внутреннем и международном положении. Они были довольно краткими и чисто формальными. Да и проводившие их, будь то сержант или прапорщик, были людьми неискушёнными в этих вопросах и мало интересовались ими. Они нас больше любили строить, пересчитывать и заниматься с нами строевой подготовкой. А считали нас по сто раз на дню. Наверно боялись – как бы кто-нибудь не сбежал.

К нам помимо Сашки-смотрящего приставили ещё двух старослужащих, тоже рядовых – Камилова и Воронина. Камилов – узкоглазый туркмен невысокого роста с сержантскими замашками. А Воронин – русский, довольно молчаливый субъект, как видимо вообще нелюбивший кем-то командовать. Они по очереди вместе с Вещуком и Саней-колхозником дежурили у нас, меняясь каждые двенадцать часов. Вещук у них был за главного. Прапора тоже менялись. Утром был один, а вечером приходил другой. Их тоже было человека четыре. И так по всему лагерю. У лагеря же было и высшее начальство во главе с каким-то майором. У него была куча замов в звании капитана или старлея.

А в палатке мы жили вместе с москвичами, которые уже дней пять занимали её до нашего приезда.

Глава двадцать шестая.

Отправки за кордон.

Так прошла неделя нашей лагерной жизни. Каждый день, обычно под вечер большие партии призывников покидали лагерь. Они уходили длинными колоннами в сторону аэродрома. А там самолётами их переправляли далеко за кордон – нести интернациональную службу в дружественных странах. Сначала одна партия отправилась в Афган, другая на Кубу, третья в Монголию. Потом была отправка в Венгрию. А сейчас готовили отряд в Германию. На очереди были Чехословакия и Польша.

Вообще география расположения наших войск довольно обширная. Может не такая, как у американцев, но на втором месте после них, это точно. Я ещё раньше знал пацана, который попал служить аж во Вьетнам. Но где и сколько наших войск стоит – эта информация была сек-

ретной. Но, как говорится – слухами страна полнится. И по этим слухам, имея особый интерес к этой теме, у меня в голове уже сложилась определённая картинка.

Мы с некоторой завистью смотрели на тех, кто покидал этот холодный лагерь. Ведь они совсем скоро должны быть на месте в тёплой казарме.

Глава двадцать седьмая.

Первое знакомство с дедовщиной.

Так и проходили дни. Однажды после завтрака мы зашли в палатку немного покимарить, но голос сержанта Вещука разбудил нас:

- Ну, чего разлеглись то? Или хотите опять строиться?

Я незаметно посмотрел на него. С ним ещё было два местных солдата, по всей видимости из старослужащих.

- Короче восемь человек нужно для работы в казарме. А то привыкли тут спать каждый день в рабочее время. Значит ты, ты и вы все. О, как раз восемь человек!

В этот список он включил и меня. А повезло тем, кто в этот момент вышел покурить. А нам пришлось подчиниться. Вещук видно собирался спать после дежурства, поэтому передав нас этим дедам, сразу полез на нары. Деда построили нас в колонну по двое, и повели в казарму. Она представляла собой длинное четырёхэтажное здание, стоявшее буквой П. Мы поднялись на третий этаж и вошли в длинный просторный кубрик, где нас встретили радостными криками :

- О, вот и молодняк прибыл. Теперь есть кому полы мыть, - прогорланил один дедушка, сидевший на кровати по турецки.

- Ну, чай не только полы. Работы им до вечера хватит, - добавил другой.

Дежурным был младший сержант, и я это понял по его повязке на правой руке и штык-ножу, который болтался на ремне. Этим ножом он начал кромсать большой кусок хозяйственного мыла. Он ходил по кубику, везде оставляя струганные мыльные щепки. Потом этот макарон промычал :

- Пол с мылом будите мыть, а то его так вы не отмоете. Если не умеете, то быстро научим.

Но тут кому-то явно было не до полов. Один сержант восточной наружности, здоровый и высокий, уже опустивший чёрные густые усы, предложил мне сесть и завёл старую басню о том, что он уже дембель и ему нужны деньги. Мол, у меня они есть и надо бы мне их ему подарить. Сначала тон его был похож на милую просьбу. Он при этом крепко пообещал, что меня здесь никто не тронет и не заставит работать при условии, если я подкину ему денег. А его тут все знают и уважают. Сначала он просил так :

- Ну, слушай, брэтан, дэвай чирвониц и можишь смэло ыдти отдыхать в свою пэлатку. А палы за тэбя другие вымають.

- Да откуда у меня такие деньжищи то? Мы всё уже давно истратили и отдали. Сейчас денег уже ни у кого нет. Да и брали из дома только на сигареты, - уже привычной фразой отвечал я ему.

После этого его тон резко изменился:

- Ты, чё, салага, нырмальных слёв не панымаешь, да? Знаишь чё я сичас с табой сделаю? Ишо мэсэца нэ праслюжил, а уже бурый. Ну ка дай ка рэмень, я пасматрю, как ты его носишь.

Я дал ему ремень. Он намного уменьшил его длину и отдал мне обратно.

- Вот тэпэрь одэвай и нэ дай бог сделаишь больше этой вот отмэтыны!

Я с трудом застегнул его. Живот страшно сжало. И от такого затыга я буквально еле дышал.

- Ну как? Тэпэрь дывай впэрэд на палы!

Он наверно целый час стоял около меня, подгоняя тычками и криками. А мы тем временем щётками-декашками с силой натирали пол, нажимая на них ногами. Дежурный из ведра подливал воды, чтобы образовывалась пена. Пол же был старый, будто сто лет некрашенный. Остатки краски облезали от такого трения и пена становилась красной.

- Я наушу тэбя, как дэдушек уважать! – приговаривал он.

Тем временем вошёл в кубрик ещё один дедок. Судя по его говору, этот кудрявый был с Украины. Он мне неистово крикнул :

- Эй, салабон, подь ка сюды!

Я поняв, что он обращается ко мне, подошёл.

- Ты, чё, сука, совсем опух? Я же сичас задолблю тебя прямо здиси. Ты умрёшь сегодня. И шо нам в глаза нагло врёшь, шо у тебя грошей нема?

- Ну откуда же я их возьму. Рожу что ли? – ответил я ему.

Такой тон ему явно не понравился и он матерясь, чем-то угрожая мне, говорил, что меня здесь или прибьют, как паршивую собаку или я каждый день буду у них мыть полы и повешусь на такой работе. Нашёлся ещё один весёлый «старичок», ходивший в тапочках и в спортивной майке. Он пел мне уже по иному:

- Эй, дух! Ты купи у меня лучше часы. Видишь какие – электронные. За четвертак отдам. Будешь по ним смотреть – сколько до дембеля осталось. А им ничего не давай, ты лучше мне отдай. А вы чего, запугали совсем парнишку?

Я повторил ему тоже самое, и он быстро отступился. Кудрявый дед принялся доканывать моих товарищей и затягивать всем ремни. Но ни к кому, как ко мне, он так сильно не приставал. Мне досталось больше всех, причём сразу же. Почему они прилипли именно ко мне? Этому я никак не мог понять. Вид у меня что ли такой? Но ведь я их не боялся и на лице не было никакого испуга. Тем временем восточный сержант разразился матом:

- Тэбя чё, бля, палкой подгонять что ли? Воду не можешь собрать, урод!

Мы уже начали собирать в ведро грязную пену. Для этого нам дали старые тапки, которыми мы сгоняли её в одну кучу.

- Показываю первый и последний раз, - прокричал сержант.

Он проделал эту процедуру пару раз и швырнул мне грязную тапку в физиономию. Я начал делать, как он показал.

- Быстрее, ещё быстрее! Я уже, как никак третий год в армии и научу вас уму-разуму.

Расхаживающий в спальном белье азиат, по всей видимости казах, сел на кровать и улыбаясь проговорил:

- Всё таки не умэете вы мыть пол, кигда я бил маладой, то у мэня всё сразу получалось и я всё успевал. А вы ничаво ни сэчэте. Ну и духи пашли!

После этого он встал и показал нам мастер-класс, как по уставу надо правильно мыть полы. Так мы уже больше двух часов ползали, пока не собрали всю пену, а потом смыли всё чистой водой, протирая насухо и расставляя койки.

Потом один из стариков забрал меня, да ещё одного нашего и повёл куда-то во двор. Видя моё отчаянное положение и слыша, как надо мной измывались его сослуживцы, он меня несколько успокоил своей речью :

- Ты знаешь, здесь никого не бойся. Бить тебя всё равно никто не будет. Делай всё молча, тогда лучше проживёшь. Я сам уже дед, но такой ерундой, как они – не занимаюсь. Противно мне всё это. Пока ты со мной, то к тебе вообще никто не подойдёт. А они и сами боятся, – как бы не залететь перед дембелем.

Мы подошли к продскладу, откуда перетаскали продукты в столовую. Это была крупа, мука, мясные туши и овощи. Потом зашли в холодильную камеру, где хранилась квашеная капуста. Она была в огромной яме, выложенной камнем. Её было так много, что по ней даже ходили. Нагружали мы её большой совковой лопатой. Сделав это, мы убрались на складе, и подмели вокруг территорию.

- Ну и ладно. Молодцы. Спасибо за работу. Сейчас идите в лагерь, а то скоро уже обед. А после опять приходите. Нужно ещё кое-что сделать.

Так нам сказал наш добродушный дед, а потом меня спросил:

- А ты где учишься что ли?

- Я, да . В институте.

- И я тоже. Два курса ещё осталось. Зовут то вас как?

- Меня Иваном, а его Серёгой, - бодро ответил я.

- Ну а я Роман. Давайте, пацаны, держитесь. После обеда я вас жду здесь.

После чего он пожал каждому руку, и мы пошли в лагерь. Ему же были благодарны, что он нас вытащил из этого казарменного ада.

Глава двадцать восьмая.

В кухонном наряде.

Как-то мне пришлось разок поработать в столовой в кухонном наряде. За нами пришли двое и попросили у нашего Сашки народа для работы на кухне. Они были его одногодками. В этот момент подошёл Вещук и быстренько отправил туда сразу двенадцать человек. Мне же опять не повезло. Я тоже попал в их число.

На кухне нам пришлось чистить картошку. Там стояли лавки в несколько рядов. Нас разместили и дали каждому по ножу. У окна сидел дедушка, который мирно спал, но увидев нас, проснулся и промычал :

- Ну, давайте, начинайте. До обеда я думаю, вам хватит времени, чтобы всё почистить. А вы идите по своим делам.

Двое солдат, которые нас привели, почтительно удалились. Я понял, что они явно не деды, но и немолодые. Здесь их называли черпаками. Дед после этого сладко зевнул, перевернулся на другой бок и продолжил, как говорится, топить массу.

Мы справились со своей работой довольно быстро. Потому и в последующие дни к нам частенько повадились в палатку эти товарищи из кухонного наряда. Главное было – это вовремя и незаметно выскочить из палатки в момент их прихода. Самые хитрые вовремя прятались. А народ в палатке всегда был, но дождавшись, когда местные наберут работников, можно было спокойно возвращаться.

Мне раньше редко приходилось чистить картошку. Но сноровка пришла быстро в процессе работы. Это в любом случае гораздо лучше, чем мыть полы в казарме и терпеть всякие издевательства и унижения со стороны дедов. Сидишь себе спокойно в тепле, анекдоты травишь и болтаешь о том и о сём со своими ребятами. Лафа, да и только.

Глава двадцать девятая.

Глоток тепла в детском саду.

Как обычно утром после завтрака в течении часа всех распределяли по разным работам. Но тем не менее, оставалось ещё немало шатающихся по лагерю и увильнувших от всякой нагрузки. Кого-то посылали на заготовку дров, но они не долго там их заготовливали, а покрутившись с час, шли обратно в палатку спать. Заготовкой занималось три-четыре человека, а посылали туда больше десятка. Некоторые, когда начиналось распределение на работы, старались не заходить в палатку, а гуляли или где-то прятались в лагере. Потом, когда все расходились, они заваливались обратно в палатку и продолжали отсыпаться. Это происходило потому, что нас всех не строили в этот момент, а если и строили, то не пересчитывали. Просто назначали на работу тех, кто первым попался на глаза.

Так было и в одно утро второй недели нашего пребывания в лагере. Однажды решив покимарить после завтрака, который, как обычно был скучным, нас разбудил голос Вещука :

- Вставайте, быстро! И так ты, ты и ты. И вы двое. Пойдёте со мной. А сейчас выходить из палатки и строится в колонну по одному. И не дай бог, сбежите! Я вас всех запомнил.

Мы, повинувшись, вышли.

- Смазать что ли? – Предложил мне Серёга.

- Можно вообще-то. Вон зайдём за палатку – он ведь искать не будет. Других возьмёт,
- ответил я на его предложение.

- А то сейчас поведёт в казарму опять полы мыть. Вот уж попотеем! – Добавил испуганно Витька.

Но мы со своими рассуждениями уже упустили время. Вещук быстро вышел из соседней палатки, прихватив ещё троих человек. И мы пошли колонной в сторону казармы. Я подумал : « Как же нам не повезло, ведь снова придётся полы дравить! Вот дураки то. Надо было линять короче, пока он ходил в палатку к соседям. Да, впредь умней надо быть».

Но мы тем временем прошли мимо казармы, на что облегчённо вздохнули. Дальнейший путь уже был на выход из части. Я подумал, что нас опять поведут в какое-то близлежащее хозяйство. Но мы дошли до остановки и сели на рейсовый автобус. Каждый из нас думал о том - куда же всё таки мы едем ? Но никто не спрашивал Вещука об этом. Он уж слишком был неприступен.

Тем временем автобус проехал добрый десяток остановок, но мы всё ещё не сходили. Я через окошко осматривал город. Калинин оказался не таким маленьким, как мне раньше казалось. Он был довольно крупный промышленный и культурный центр с девяти и двенадцати-этажными зданиями, большими магазинами, заводами и фабриками. По пути нам попадалось множество кинотеатров и даже несколько театров. Было даже странно, что мы ехали уже почти час, город всё никак не кончался. Проехали по мосту через Волгу, которая здесь была намного уже, чем у нас в Горьком.

Но вот, наконец Вещук сказал выходить, и мы оказались на широком проспекте. Он пару раз заходил в магазины, но вот мы дошли до двора.... И куда бы вы думали? Это был двор детского сада. Потом поднявшись на второй этаж этого садика, мы увидели множество детей, игравших на большом ковре. На полу были раскиданы игрушки, в том числе большие кубики, из которых дети строили домики. Другие катали машинки, а девчонки играли в куклы.

Вещук о чём-то говорил с одной из воспитательниц. Дети же нас сразу обступили, показывая пальцами с возгласами: «Глядите, солдаты, Анна Васильевна!» Они стали просить у нас значки, которых у нас ещё не было в помине. Вещук тем временем сказал:

- Нам здесь надо вытрясти все ковры и дорожки. Десять до обеда и десять после. Ну чего, ясно?

- Да, конечно, - ответили мы.

- Тогда начинайте! Берите и несите их на улицу.

Здесь Вещук сразу сделался мягче, не кричал и не приказывал в грубом тоне. Ну, это и понятно, так как в присутствии довольно молодых и симпатичных воспитательниц, ему не хотелось выглядеть тупым солдафоном. Он даже вместе с нами вытаскивал ковры на улицу.

Мы их выбивали на высоких перекладинах в виде турников, которые стояли во дворе соседней девятиэтажки. Нашли четыре массивных дубины и колотили по этим коврам несколько часов подряд. Вещука с нами уже не было, так как он в это время развлекался с молоденькими воспитательницами. По сравнению с другими работами мы себя здесь чувствовали, как на пасеке. Перекуривали, сколько хотели, но вскоре обнаружили, что у всех кончились сигареты, а взять их было негде. У одного мужика, который проходил мимо, я стрельнул закурить. Он окинул меня взглядом и сказал :

- Да я вообще-то не курю, но иду в магазин.

Он удалился, а я продолжал колотить ковёр и даже забыл про него. Но вот кто-то сзади окликнул меня :

- Эй, служивый, подь ка сюды!

Я подошёл. Он протянул мне две пачки сигарет марки «Ява» и сказал :

- На, кури на здоровье!

- Спасибо вам большое. Честно говоря, не ожидал, - поблагодарил его я.

- Да ничего. Я сам лет двадцать назад таким же был. Ну, счастливой тебе службы, солдат.

С этими словами он удалился, а я сразу всем своим товарищам раздал по сигарете.

- Во, молодец, мужик, – сказали они. – Сам купил, да аж две пачки.

После перекура мы добили десятый ковёр и отдыхали.

Вскоре подошёл Вещук и объявил:

- Ну, шабаш пока. Нас вон обедать зовут. Мы уже порядочно проголодались, и обед был сейчас, как раз кстати. Мы зашли в садик. Дети уже поели и укладывались спать. У них наступил тихий час. А нам всем положили по большой тарелке борща с большим куском мяса и выдали по стакану сметаны. Мы с огромным удовольствием принялись за еду. На второе была гречка с котлетой. Был ещё салат из свежих огурцов и помидор, тоже со сметаной. А на третье – компот.

- Ну что, мои родимые, накушались, или ещё добавки кому положить? – спросила нас кухарка.

- Можно маненько, - скромно ответил кто-то из наших.

- Пожалуйста, ешьте на здоровье.

Она положила каждому ещё по котлете с гречкой и принесла ещё по одному компоту.

- Давно отвык от такого культурного обращения, - глотая пищу, говорил Вещук. А потом добавил:

- В армии в столовой чаще приходится изъясняться матом, а тут слова то какие : пожалуйста, на здоровье, не желаете ли ? Я на службе и слова то такие забыл за полтора года.

Сытно пообедав, мы пошли опять пошли продолжать своё дело. По всякому ковру каждый колотил со своей стороны, распределившись по два человека. Вещук ушёл куда-то в город и пришёл за нами, когда совсем стемнело. Мы в это время уже ждали его, расположившись в актовом зале детсада. А перед этим уже все поужинали, также с обильной добавкой. Было пюре с сосисками, порожки и чай с конфетами. Мы уже наигрались с детьми, ожидая нашего «командарма.» После его появления, все вышли на улицу и направились в сторону остановки, чтобы вернуться в свой грязный, холодный и голодный лагерь. От такого ужина мы еле передвигали ноги. Этот день нам запомнился надолго. Можно сказать, что здесь мы наелись впрок, как верблюды, зная что таких обедов и ужинов не будет ещё очень долго. В лагерь пришли уже к вечерней проверке и наверно в первый раз за две недели сытыми улеглись спать.

Глава тридцатая.

Драка на кухне.

Спустя несколько дней после нашего приезда в лагерь, уже никто не спал на полу, а все умудрялись разместиться на нарах, хотя там по прежнему была страшная теснота. У нас с самого начала выделялась группа весельчаков, которые сдружились между собой и горой стояли друг за друга. Они общались со всеми нашими дежурными, как со своими старыми знакомыми. Будь то Воронин, Санька-колхозник или туркмен Салават. Все эти весельчаки были

с Автозавода и многие раньше знали друг друга. Дежурные старались не командовать ими и ничего им не приказывать. Они не кричали на них, видя ихнюю сплочённость и довольно внушительный вид некоторых из них. Автозаводцев было человек восемь. Они никого не боялись и всегда после отбоя ещё пару часов травили анекдоты. При этом ржали, как лошади и подкалывали дежурного. От их криков невозможно было заснуть. Среди них было два здоровенных амбала, которые мечтали стать в армии поварами. Это и неудивительно. У них ведь организм требовал повышенного объёма пищи.

Как-то половина этой группы попала в наряд на кухню. Их оставили там на ночь, а старики решили их погонять, и поиздеваться слегка. Потом один из автозаводцев прибежал среди ночи в палатку и закричал :

- Пацаны, наших бьют! Айда, выручать!

Первыми ринулись те четверо из ихней компании. К ним присоединилось ещё несколько человек. Но Вещук, который в этот момент был в соседней палатке, узнал об инциденте и побежал за ними, чтобы предотвратить драку. Но драка всё таки состоялась, так как он пришёл уже в разгар потасовки. Наши четверо, кто был в наряде, молчать не стали, а сразу начали мочить обидчиков, которые прослужили всего год. А тут, как раз подоспели товарищи из палатки. Местным пришлось несладко. Автозаводцы их бы совсем задолбили, если бы не вмешательство Вещука, который запыхавшись прибежал и остановил избиение своих сослуживцев. После чего увёл автозаводцев в лагерь.

Глава тридцать первая.

Наряд по лагерю и письма на родину.

Однажды мне выпала честь стоять дневальным в наряде под грибком. Надо было следить за порядком, бороться граблями территорию около своих палаток, а ночью смотреть, чтоб никто не сбежал. Нас было двое и мы по очереди меняли друг друга каждые два часа. Причём под грибком кто-то постоянно должен был находиться. Ночью мы менялись в два часа. Проблема была одна – найти своего напарника среди десятков тел в темноте, несмотря на то, что знаешь, где он будет спать. Под грибком, чтобы убить время, приходилось часто курить или думать о чём-то, вспоминая кого-то.

Праздник седьмого ноября я здесь даже не заметил. День был обычный, такой же холодный и дождливый. Единственное, что я вечером этого дня решил, так это написать первое письмо домой. Но написал я тогда аж целых три письма – домой родителям, Маринке и ещё одному старому товарищу. Писать приходилось в неопишуемых условиях. В палатке было темно и ничего не видно. Пришлось писать на свежем воздухе, где хоть и темнело, но был свет от фонарного столба. К тому же было холодно, дул сильный ветер и начинал моросить дождь. Ручка была потеряна, и пришлось её стрелкнуть у Витьки. Слава богу, что были конверты и бумага. Письма я накатал таким подчерком, что сам чёрт ногу сломит. Писал, сидя на корточках, подложив под листок лишь тоненькую тетрадку. Хотелось написать побольше, так как я любил длинные письма. Закончив, я вложил листы в конверты, заклеил их слюной и саморучно

отпустил в почтовый ящик. Теперь душа была спокойна. Первая весточка от меня придёт уже через несколько дней. Дело было сделано, и после вечерней проверки я довольный заснул.

Глава тридцать вторая.

Первые дезертиры.

Один раз в нашем лагере случился интересный инцидент. Мы про него узнали только когда весь наш лагерь построили на плацу и начальник лагеря объявил:

- Вы здесь стоите и не знаете. А сегодня ночью шестеро москвичей решили покинуть пределы части. Им, видите ли здесь не понравилось. Двое были инициаторами побега. Они утверждали до этого, что являются пацифистами и не должны служить в армии. Знаем мы этих стилига. Неизвестно пока чем они занимались на гражданке, но сейчас, когда их призвала родина служить и охранять её покой, то они обязаны служить ей, как полагается каждому молодому человеку, достигшего восемнадцатилетнего возраста. Остальные поддались дурному влиянию этих дезертиров и присоединились к ним. Командир дивизии возмущён таким поведением и призвал нас усилить бдительность и охрану лагеря. К дневальным теперь будут предъявлены жёсткие требования. А эти далеко бы не убежали. Так что, кто сбежит, тот всё равно не убежит. В форме любой станет приметен и всякий военный вправе таких задержать. Двоих поймали ещё вчера на вокзале, двоих – сегодня в поезде, а одного в городе в магазине. Правда, последний сумел уехать в вагоне. Но мы на него уже навели справки, и его возьмут в его же Москве. Возможно он переделся в гражданку, но это не намного отсрочит его поимку. Мы долго думали – какое им дать наказание ? Причём комдив за то, чтобы оно было максимально строгим. Но так как они ещё не приняли присягу, то можно сказать, что им ещё повезло. Вместо трибунала и дисбата мы их направим на тяжёлые физические работы.

А в это время пятёрку отважных дезертиров вывели на плац на всеобщее обозрение, которые стояли, опустив головы. Начальник лагеря продолжал:

- Пусть они почувствуют и осознают свою вину. Советская армия не должна терпеть таких людей в своих рядах. Позор дезертирам!

Через день в Москве поймали и их шестого товарища. А мы долго обсуждали этот случай. Смысла в их поступке, конечно же не было. Действительно, сколько не прячься, а рано ли поздно всё равно найдут. Все считали, что лучше потерпеть два года. А если сбежишь после присяги, то будешь торчать в дисбате, после которого ещё придётся дослуживать. Говорили, что перед побегом к ним приезжали подруги, и мол поэтому они и ринулись отсюда в их объятия.

Глава тридцать третья.

Деловые автозаводцы.

Такие вот у нас были дела. А между тем время шло. Мы уже со дня на день ждали своего отъезда.

Восьмёрка деловых автозаводцев никогда не унывала. Одного их них по имени Гоша, оставили служить в этой части. Он как-то вечером пришёл к нам в палатку. На нём уже была шинель с красными погонами и петлицами, а на шапке красовалась кокарда. На петлицах сияли маленькие бабочки войск связи. Он пришёл счастливый и был рад тому, что остаётся служить в Союзе, где рядом и дом и родители с подружкой. Они вскоре должны к нему приехать на присягу. Да и отпуск ему здесь обеспечен. На всё он отвечал :

- Пацаны, я рад, что остаюсь здесь. Вот бы и вас всех сюда же.

- А как деды то бурые? – спросил его один из автозаводцев.

- Да, нет, ничего. Просят что-нибудь им сделать, но по хорошему. Работа конечно всегда есть, но всё идёт спокойно. Здесь штаб танковой дивизии, а я работаю в радиомастерской. Дело имею с разными станциями, передатчиками, коммутаторами. Я ведь дома радиолюбителем был и даже в кружок несколько лет ходил. Так что вполне сейчас доволен.

Все казалось, ему завидовали. Между тем пришёл туркмен Камилов наш дежурный и громко заорал:

- Эй, дай ка мэсто дэдушке Совэтской Армии. Ишь, рассэлись. Ну, быстра асвабадыте маё мэста.

Все раздвинулись, и он улёгся на нары, накрывшись шинелью и одеялами. После этого, успокоившись, он спросил нашего автозаводца:

- Шо, у нас оставыли? Ничаво, давай тащи службу! Здесь то лучше, чем за трыдэвять зэмэль.

Потом автозаводцы затянули песни. Из другой палатки кто-то принёс гитару и до глубокой ночи они голосили всё, что знали и не знали. Сначала они пели песни из «Машины» и «Воскресения», потом из «Альфы», «Круиза» и «Землян». Потом перешли на Антонова, Розенбаума, Новикова, Токарева и бог ещё знает на кого. Добрались даже до Пугачёвой и Ротару.

Последние дни у нас каждый вечер часа два-три была гитара. Она просто так никогда не лежала, а всегда была в эксплуатации. Когда нам её не давали, то мы горланили русские народные песни безо всякого аккомпанимента. Это типа : «Вот кто-то с горочки спустился», «Тёмная ночь» или «Эй, мороз-мороз, не морозь меня». Причём последнюю Камилов пел наполовину на своём родном языке. Узнав, что мороз по ихнему «савок», мы пели уже вместе : «Эй, савок, савок, не савочь меня, не савочь меня и моего коня». Все смеялись над такой игрой слов, а Камилов становился своим «в доску» и тоже смеялся вместе со всеми. Автозаводцы над ним подшучивали и дружески хлопали по плечу.

Глава тридцать четвёртая.

Первая выпивка.

Один раз после обеда дежурный Воронин Серёга принёс две бомбы красного вермута. В это время всех уже отправили по разным работам. Я же в этот день был на заготовке дров и сделав своё дело, со всей бригадой пришёл в палатку передохнуть. Воронин в это время раскупорил первую бомбу и всем предложил выпить. Трое, в том числе и я, сразу же согласились. Он наливал каждому по очереди по полкружки. Тут подошёл ещё наш четвёртый товарищ. Воронин его сразу спросил:

- Эй, братан, ты пьёшь?

- Не-а, - отвечал этот полный и круглолицый парень.

- А будешь? – ещё раз спросил его Воронин, уже налив чуть ли не полную кружку.

- А, буду ! – ответил толстяк и залпом засосал её всю.

С Ворониным был ещё один рядовой, его же призыва. Рассевшись около буржуйки, мы продолжили эту приятную трапезу уже со второй бутылкой. Ухлопав обе бомбы, мы неожиданно попали в наряд на кухню и полупьяные чистили картошку. Нас просто забрали двое дедов во главе с Вещуком. Но из них никто ничего не заметил. На кухне нам было хорошо и весело.

После наряда мы заметили, как около лагеря ошивалась какая-то бабка, по всей видимости буфетчица. У неё было на тележке куча разных пирожков, ватрушек, кексов и сигарет. Денег давно уже не у кого не было, а у неё покупали лишь те, кто прибыл сюда уже после нас. Тут неожиданно Витька нас всех удивил. Он на свои последние деньги купил два блока сигарет и тоже, как недавно Серёга, всем раздал по пачке.

- Витёк, у тебя откуда деньги то, ведь у всех давно уже ни копейки? – спросил я его.

- Вань, да я решил подождать немного, не тратить и никому не давать. Думал, чего бы себе купить или может сохранить до своей части. А потом подумал – зачем они мне нужны? Давай, думаю сделаю всем доброе дело. Хоть покурят все досыта.

- Ну ты, молодец ! – ответил я ему.

Глава тридцать пятая.

Весть об отъезде и хождение строевой.

Как-то ближе к вечеру нас всех построили, и один из прапоров всем объявил, что очевидно завтра мы должны отбыть самолётом в западном направлении. Куда и во сколько он не сказал, только долго всех пересчитывал, крыл обильным матом, ехидно улыбаясь. Точно

«матёрый прапор» - подумал я. Он был нашим дежурным по лагерю и помимо своеобразной речи отличался лицом, а точнее рожей с большим красным носом, который выдавал в нём страшного выпивоху.

Вечера все ждали с нетерпением. Ведь он будет последним в этом голодном и холодном лагере. А поздно вечером к нам пригнали ещё одну очередную партию призывников. Мы уже, как старые зейхеры окружили их, начиная расспрашивать, кто они и откуда. Оказалось, что они земляки. Их было человек двадцать пять и все они были из области, в основном из деревень. Кто-то из наших нашёл более менее близких, а я же поболтав с ними, решил идти обратно в палатку. Многие из этой партии были совсем нестриженные, даже длинноволосые. Эту ночь мы спали в страшной тесноте, так как часть этих ребят поселили в нашу палатку.

Ещё накануне сержант Вещук приходил к нам злой и недовольный. Он говорил:

- Что развалились? Обрадовались что ли, что завтра уезжаете? Смотрите – вместо сна мы вам можем марш-бросок устроить. Почему все по утрам отлынивают от работы? Почему многие постоянно сбегают? Только поведёшь строй, отвернёшься чуть – глядишь кого-то уже нет. А я за вас должен получать, да? Ладно, всем строится на вечернюю прогулку.

В этот вечер Вещук решил нас строевой погонять по плацу. Я с зажженной сигаретой встал в строй. И так шёл в строю, покуривая, как делали некоторые из нас, кто плёлся в самом конце. Вещук шёл впереди в пятнадцати метрах. Потом он вдруг не с того ни с сего обернулся и встал, ожидая пока строй подтянется. Я не успел убрать вниз бычок, и он заметил, как я затягивался.

- Строй, стоп. Раз, два.– прогремел сержант. – А ну, курильщик, выйди ка! Пусть на тебя все посмотрят. Ты, ты! – сказал он, показывая на меня пальцем. – Ты знаешь, что строй это священное место для солдата. Как ты смел осквернить его своим курением? Ты забыл, где находишься? Не дай бог, ещё тебя или кого увижу курящим в строю, то вам не поздоровиться. Сейчас – ваше счастье, что завтра все улетаете. А то строевой бы у меня до утра ходили

Все, опустив головы, слушали эту мораль. Я же старался молчать, а выглядел перед всеми виноватым. Мы немного походили строевой по плацу, поднимая ногу и чеканя шаг. А после также строевым шагом шли до самого лагеря.

Глава тридцать шестая.

Ночь в ожидании.

В палатке мы ещё долго не спали. Автозаводцы орали песни, а я в этот вечер был главным запевалой. В последнее время я немного сблизился с ними. Когда уже надо было сидеть тихо, мы начали травить анекдоты. Отбой у нас в этот вечер был раньше на час. Где-то около одиннадцати часов к нам пришли двое земляков из Горького. Они только что закончили учебку. Рассказывая нам про неё, давали советы на первое время службы, делились своим небогатым опытом, как-будто роднее нас у них нет никого. Они были одеты в ПШ, причём один из них

был с двумя лычками, а второй с одной. То есть первый был младшим сержантом, а второй ефрейтором. У каждого было по несколько значков.

Заснул я в эту ночь очень поздно, а решили мы поспать, лишь когда вспомнили, что подъём нам пообещали аж в четыре утра. В последние дни я спал уже на полную вытяжку, а не так, как в начале калачиком у кого-то в ногах. Это потому, что москвичей недавно угнали всех в Германию и свободных мест в палатке значительно прибавилось. А подъём был, как и нам пообещали – в четыре часа утра.

Глава тридцать седьмая.

Замерзая на аэродроме.

- Всем строится! – Прогремел голос капитана, одного из замов начальника лагеря.

Мы построились. Стояли наверное с полчаса, пока нас не подвели к палатке, в которой стали выдавать новые вещмешки и наборы сухого пайка на три дня. Каждому ещё дали по кокарде на шапку. Получив всё это, мы наконец-то двинулись. Было нас человек двести. На улице было темно, а с утра ударил морозец. Мы вышли из пределов части и пошли по длинной и ухабистой дороге. Грязь с утра подморозило, но лёд на лужах был ещё непрочный и мы часто проваливались в них. Шли наверно с час и думали, что наконец-то закончилась эта проклятая лагерная жизнь. Сейчас мы сядем в большой самолёт, взлетнёмся в воздух и полетим, покидая родные края.

Впереди был военный аэродром, где нет пассажирских лайнеров и нет спящих всюду прилетающих и улетающих, провожатых и встречающих. Не было и огромного аэровокзала с буфетами и рестораном. Но зато были реактивные истребители типа МИГ-23 и СУ-17, а также военнотранспортные самолёты.

Мы стояли довольно плотной толпой и все чего-то ждали. Мороз усилился до 15-20 градусов. Но вот вдалеке приземлился самолёт, очевидно какой-то ЯК. Все по инерции толпой ринулись к нему. Два офицера преградили нам дорогу, приказав построиться, и слушать дальнейшие распоряжения. Все встали в колонну. Один из офицеров объявил нам, что этот самолёт через два часа вылетает в Чехословакию и нам предстоит там проходить свою дальнейшую службу. Потом он добавил :

- Товарищи призывники, на одном самолёте вас всех перевезти не удастся. Поэтому кто-то полетит на этом самолёте, а кто-то будет ждать следующего.

Я не попал в число улетающих на первом самолёте. А следующего мне и многим моим товарищам пришлось ждать ещё почти целые сутки. Им был тот же самый ЯК-46, который вернулся за нами поздно вечером. В первую партию отправляли в основном водителей, предварительно попросив их выйти из строя.

А все, кто остался, буквально замерзали. Нас держали на открытом морозе, как какую-то скотину. Чтобы хоть как-то согреться, мы подпрыгивали и топали по снегу своими новень-

кими юфтевыми сапогами. Потом мы вспомнили про свои сухпайки и начали уминать паштеты и сухари. Изрядно замёрзнув, мы ломанулись в помещение для лётного состава, хотя бы погреться в коридоре. Лётчики нас встретили приветливо и выделили два класса.

Кто-то из наших рассказывал, что одна из предыдущих партий недавно не смогла сразу улететь и их вернули обратно в лагерь, аж на двое суток. Немного отогреваясь, мы начинали кимарить, где придётся. Но как только стало темнеть, нас выгнали отсюда под предлогом, что с минуты на минуту за нами должен прилететь самолёт. Но на самом деле он прибыл лишь через четыре часа. Пальцев ног я уже почти не чувствовал, но думал, что сразу их отогрею в тёплом самолёте. Увы ! Полностью я их отогрел лишь через восемь долгих месяцев, когда уже стояла летняя жара. А всё это время продолжала чувствоваться мерзлота, особенно в больших пальцах.

Глава тридцать восьмая.

Перелёт в Чехословакию.

В самолёт мы заходили бегом и рассаживались по местам. Вскоре завели двигатели и через двадцать минут мы взлетели, оставляя мёрзлый и мерзкий калининский лагерь, а с ним и всю свою страну, в которую вернутся нам предстояло аж через два долгих года. Я первый раз в жизни летел в самолёте. В этот момент хотелось надеяться только на лучшее. В душе в основном все оставались оптимистами. Кого что ждёт – никто не знал и не мог знать. Кажется, что впереди тёплая и довольно сытая жизнь по сравнению с лагерным прозябанием. Всем думалось, что на Западе служба должна быть сносная, а главное – цивилизованная. Ведь мы летим не в Монголию, а в Чехословакию – страну цивилизованную и неплохо обеспеченную.

Самолёт тем временем набирал скорость и через мгновение оторвался от земли. При взлёте меня прижало к креслу, а в ушах стоял шум, и увеличивалось давление на барабанные перепонки. Но когда самолёт уже набрал высоту, то всё, как рукой сняло и полёт в течении двух с половиной часов продолжался ровно и спокойно.

Кто-то от нечего делать поедал свой сухой паёк, кто-то травил анекдоты и рассказывал разные истории, а кто-то воспользовавшись моментом, решил немного покимарить. За иллюминатором было темно, только виднелись одинокие огни с разных сторон. Если их было много и в одной куче, то это значит, что мы пролетали над большим городом. А их на нашем пути было предостаточно. Во время перелёта у нас случались воздушные ямы, о которых всех заранее предупредили. Мне всё было интересно и в диковинку. Ещё бы ! Первый перелёт !

Время промчалось незаметно и вот мы уже начали снижаться. Опять всех пригвоздило к креслам, а в ушах нарастало давление.

Глава тридцать девятая.

Второй лагерь.

Мы приземлились на каком-то военном аэродроме. Но где точно – никто понятия не имел. Потом нас уже глубокой ночью привели к таким же палаткам, что и в калининском лагере. Там тоже уже кто-то жил. Но слава богу, что людей там было не так много и нам хватило места, чтобы разместиться на ночлег. Палаток было около десятка и всех раскидали по ним. Мы, люди привыкшие, поэтому разместившись, быстро засыпали, понимая, что подъём уже не за горами.

Я был счастлив уже только от того, что наконец-то добрались до страны, в которой нам придётся тащить свою службу. Хотя до окончательного прибытия к её месту было по прежнему далеко. Но засыпали мы с мыслью, что через день-два будем спать в тёплой казарме, иметь свою кровать, тумбочку, шинель и постельные принадлежности. Казалось, что дни побегут со скоростью звука, а там глядишь полгода пройдёт и намного легче всем станет.

Утром нас разбудили с рассветом. Видать из-за того, что прилетели мы глубокой ночью, нам дали лишний час поспать. Время было часов семь. Нас построили и пересчитали. Дальше началось томительное ожидание отправки. Мы опять налегли на остатки сухая.

Как выяснилось, что наше местонахождение было недалеко от города Миловице под Прагой. Это была западная часть страны – Чехия. На аэродром садились «сушки» и «миги», а другие в то же время поднимались в воздух. Из топок вырывалось пламя и каждый сверхзвуковой реактивный истребитель, разбегаясь мимо нас, взлетал со страшным грохотом и устремлялся в небо. У тех, которые приземлялись, выбрасывался парашют, создавая им условия для торможения и скорейшей остановки. Вдалеке виднелись вертолёты разных размеров. В основном это были МИ-2, МИ-8 и МИ-24. Мы наблюдали за полётами и расхаживали по лагерю. Сама часть была чуть дальше. А здесь мы только видели лётчиков и авиационных техников. Это в основном младшие офицеры и прапорщики.

Был уже конец ноября, но сразу все почувствовали, ещё спускаясь с трапа, что воздух был намного теплее, чем у нас в Калинин. Было градусов двенадцать тепла и никакого снега в помине. Запад, есть Запад. Я и раньше знал, что климат здесь мягче, примерно, как на юге Украины.

Тем временем постоянно кого-то зачитывали, строили и отдельные группы периодически убывали в неизвестном направлении. Их возглавлял какой-нибудь капитан или старлей. А мы с Витькой и Серёгой стояли у взлётной полосы и рассуждали о том и о сём.

- Ну вот и прибыли, - сказал я. – Что за страна соцлагеря? Пожалуй самая близкая к капиталистам. И промышленно довольно развитая.

- Да «Шкода», «Татра», знаем, знаем, - добавил Витька.

- Хоть какие здесь города то есть? Я ведь в географии не бум-бум, - спросил Серёга.

- Ну, я штук пять знаю. Это Прага – столица всей страны. Потом Острава, Пльзень, Брно и столица Словакии – Братислава, - похвастался я своими познаниями по этой части.

Тем временем Серёга услышал свою фамилию. Он встал в строй и вскоре их группу повели по дороге в сторону части. Мы подбежали к нему с Витькой, крича на ходу:

- Ну чё? Куда?

- Да вроде в десант, куда я и хотел, - отвечал Серёга, а потом добавил – ДШБ вроде сказали. Только это вилами на воде писано. Ладно, давайте, пацаны. Всем счастливой службы. Хорошо устроится . Бывайте. Потом найдём друг друга. Адрес я пришлю . Дай бог, свидимся.

Он назвал кого-то из друзей, которого хорошо знал Витька. Мы пожали ему руку, хлопнув по плечу. Колонна постепенно удалялась, а потом скрылась за поворотом.

Знакомых у меня кроме Витьки было уже немало. Но поболтаешь с кем-то по душам, а потом глядишь – его уже и след простыл. Потому что постоянно кого-то уводили, и нас оставалось всё меньше и меньше. Так подошёл вечер и быстро стемнело. Потом прибыл самолёт с очередной партией новобранцев. Нас вскоре всех построили и повели в часть.

Глава сороковая.

В Миловицах.

Остановились мы возле местного клуба. Оттуда после фильма выходили те, кто служил в этой самой части. Они проходили мимо нас и кричали, кто во что горазд :

- Эй, братан, ты откуда? Из Питера есть кто?

- Нет, - ответил я.

- А с Украины хлопцы есть ?– спрашивал другой.

- Нет, все из Горького и из Москвы, - отвечали мы.

- Ну, тогда вешайтесь, - прокричал какой-то ефрейтор.

Следующие, вышедшие из кинозала, опять стали засыпать нас вопросами:

- Ыз Тэджэкыстан. Эсть кто?

- Из Минска, из Минска кто-нибудь?

- Эх, салаги, тоска вам! А нам скоро домой. Тащите службу! – и говоривший эту фразу, дико заржал.

Один из них на прощание лихо подшутил надо мной, похлопав меня по плечу:

- Служи сынок, как дед служил, а дед на службу хер ложил.

Поток этих реплик закончился, лишь когда последний из выходявших, повернул за угол. Нас всех завели в кинозал, где мы расселись по креслам. Сухпай у всех уже почти иссяк, и мы уже начинали голодать. Наконец пришёл какой-то майор и толкнул нам речь:

- Все вновь прибывшие, прошу тишины! Товарищи призывники! Вы прибыли в Центральную группу войск для прохождения своей службы. Как вам уже известно – группа дислоцируется в Чехословацкой социалистической республике. Сейчас мы что-нибудь вам найдём поесть и для этого уже послали людей в столовую. Может быть, какие-то консервы им удастся раздобыть. Потом вам покажут фильм. А после фильма вас начнут распределять по частям и гарнизонам. Так что вы не шумите и пока отдыхайте. У кого какие вопросы ко мне?

В зале стояла атмосфера неопределённости.

- Хорошо, значит вопросов пока нет.

После этих слов он удалился. А нам вскоре притащили банок двести консервов под названием «Килька в томате» и несколько десятков буханок ржаного хлеба. Мы вскрывали консервы чем придётся, и по очереди ели, передавая друг другу. Вышла примерно одна банка на двоих. Хлеб ломали и распахивали по карманам. Слегка заморив «червячка», все захотели пить. Для этого поставили внизу несколько бачков с водой. На каждом из них было по две кружки. Потом перекурив у входа, мы вернулись на свои места.

Свет вскоре выключился и нам показали какой-то военно-патриотический фильм с длинным вступительным журналом.

После фильма несколько офицеров подошли к одной нашей группе. Один майор говорил какие-то общие фразы о службе и о том, что нас ждёт в первые дни. Говорил про КМБ или курсы молодого бойца, которые вскоре мы будем проходить в течении одной недели. А в конце своей речи он высказал следующее :

- Вам возможно встретятся недисциплинированные старослужащие, которые могут позволять себе неуставные отношения. То есть могут отдавать приказы, на которые они не имеют права или заставляя вас делать то, что они сами должны делать. Вы не поддавайтесь на их угрозы и не подчиняйтесь им. Держитесь стойко. Обо всех случаях дедовщины и неуставщины сразу докладывайте своему командиру или вышестоящему начальству. Сейчас в Союзе эту заразу выбивают и весьма успешно. И того, что раньше было, почти не встретишь.

Я подумал, что особенно не встретишь в Калинин в танковой части. Майор между тем продолжал :

- Но здесь от Москвы далеко, к тому же тут граница, где старослужащие чувствуют себя вольготно по отношению к молодёжи. Но и здесь недавно по приказу командующего мы все принялись за искоренение этого порока, позорящего Советскую Армию.

- Ладно, хватит их пугать, то ! – сказал другой подошедший офицер. – Ничего не бойтесь. Слушайте своих командиров, учите устав и чётко по нему несите службу. Тогда всё будет нормально.

После этого разговора всех нас построили и повели на выход из части. Мы углубились в ночной город. Транспорт ходил уже редко, и мы долго шлёпали по центральным улицам. Народу поблизости тоже почти уже не было. Наконец по звукам гудков и свистам, да ещё специфическому шумудвигающихся платформ и вагонов, я понял, что мы приближаемся к вокзалу. Поезд довольно быстро подошёл, и мы проследовали в вагон.

Глава сорок первая.

Давка в вагоне.

У нас было всего несколько вагонов, но в которых уже ехали дембеля, прапора, сверхсрочники и офицеры. Среди них были и наши гражданские. Кто ехал в отпуск на побывку, а кто и совсем домой. Поэтому место в основном досталось нам только в тамбуре. Усевшись на пол, мы немного закимарили. Была сильная давка, и отключится надолго, не удавалось.

Чтобы не быть раздавленным, мне пришлось зайти в сортир, где уже спали на полу двое наших. Он был довольно просторный и немного места там ещё оставалось. Хорошо, что ещё он был сухим и чистым. Я занял свободное место возле двери и почувствовал себя на несколько минут счастливым от того, что хотя бы ноги удалось вытянуть. Потом кто-то решил по нужде посетить наше пристанище и нам пришлось удалиться восвояси.

После этого в течении многих часов пришлось сидеть в тамбуре, свернувшись калачиком. Ноги все затекли и выпрямить их не было никакой возможности. Со всех сторон также сидели товарищи и дрожали от холода. «Да, как селёдку в банке перевозят!» - сказал я рядом сидевшим товарищам.

Вот это и есть тяготы армейской службы, про которые так много все говорят. Плюс ещё холод, голод, грязь и полное бесправие. А я то раньше думал совсем про другие тяготы. В первую очередь представлялись физические нагрузки, спортивные тренировки, ну возможно бессонные ночи. Но при тёплой одежде, сытном питании, регулярном душе и бане. И естественно при определённых правах с первого дня службы совместно с определёнными обязанностями. Но выходило всё иначе.

Проехав в таком положении часов восемь или девять, нас куда-то всё же привезли. Мне и спрашивать никого не надо было. Я и так догадался, что проехав мы километров шестьсот-семьсот, из Чехии переместились в Словакию. И везли нас на восток. А в Миловицах, куда мы прилетели, был штаб и центр всей группы.

Глава сорок вторая.

Приезд в Словакию.

Когда мы выбрались на платформу, нас построили и повели по городу, видимо к очередной части. Стояло уже утро, и было светло. Город, как потом выяснилось, назывался Ружемберок и был он довольно небольшим. Войдя в часть, которая была на окраине городка, я увидел горы над ней высотой до километра. Они полностью были покрыты лесом.

Нас опять разместили в клубе, где вскорости снова показали фильм про войну. С обедом мы почему то пролетели и поэтому все с нетерпением ждали ужина. Ужин действительно состоялся, но был ещё хуже, чем в Калининe. Нас опять спасал хлеб, которым мы запаслись ещё в Миловицах. Карманы у многих им были набиты до предела. Если бы не он, то мы давно бы опухли от голода. С куревом тоже были проблемы. У всех моих знакомых уже почти кончились сигареты, а у кого ещё что-то оставалось – были мне незнакомы и они естественно зажимали. Тут ведь как : с кем-то поговорил по душам, хотя бы минут пяток, то он уже считай дружан твой на это время. Хотя все знали, что шанс попасть вместе в одно подразделение – один из ста.

Горьковских было уже мало. В основном остались из области. Много было москвичей, но не из самой первопрестольной, а из Подмосковья.

Глава сорок третья.

Сидение в клубе.

Так в томительном ожидании, при включённом свете мы и кимарили всю ночь. Утром был завтрак. В столовой дали стакан горячего чая с куском хлеба, но без масла. Плюс ещё полмиски парашаи. Вот и вся трапеза. Но и это неплохо, чем совсем ничего. Потом нам опять крутанули фильм. Он был уже про современную армию. Через некоторое время, чтобы мы не скучали, был ещё один фильм, тоже про армию, но уже с лирическими отступлениями на тему вечной любви. Все тогдашние фильмы были с длинными журналами в начале. Чаше это был «Фитиль», который гласил о пороках и недостатках некоторых предприятий по вине их нерадивых работников и начальников. Он всегда был выдержан в сатирическом плане, но без всякой критики системы в целом.

После фильма пришла группа офицеров, которые попросили выйти тех, кто интересуется радиоделом и дома был радиолюбителем. Кто-то из наших другому шепнул :

- Не выходи! Замучают работой. Будешь пахать в радиомастерской, как папа Карло.

Другой добавил:

- Это значит ремонтировать всякие станции, передатчики и прочую технику.

Но любитель ответил:

- Ну и что? Нормально. Буду работать, как белый человек. Уж лучше, чем мыть полы в казарме или бегать кроссы.

- Ну, как знаешь, - ответил его приятель.

Радиоловителей набралось прилично, и их вскорости всех увели из клуба. Я же не стал никуда рваться, да и радиоловитель из меня весьма поверхностный. В их число записался Витька – один из первых моих друзей на этом долгом пути. Он к тому же был из моего района. Мы распрощались, обнявшись, и пожелали друг другу держаться на службе.

Так шли уже вторые сутки нашего пребывания в этом клубе. Покидать его территорию дальше входа строго запрещалось, да и нам уже незачем было. В части делать нечего. В город идти тоже ни к чему. Страна чужая и у нас за душой ни копейки. А местные деньги здесь были кроны, у которых официальный курс равнялся десять к одному. То есть десять крон – это один наш советский рубль.

Вторая ночь нашего пребывания проходила намного тяжелее, чем первая. Спать уже не хотелось. Все уже выпались в креслах за предыдущие сутки. Уж, чего, чего, а это тут не запрещали. Поэтому во вторую ночь мало кто спал. Мне же удалось закимарить только под утро. К тому же третья ночь в сидячем положении давала о себе знать.

На третий день все уже были истощены и обозлены до предела.

- Что ж, мы весь месяц так будем жить в этом клубе? – Возмутился больше всех один из автозаводцев.

Их осталось всего трое, а остальных расхватали «покупатели» ещё в Миловицах.

- На нас видать плевать им с большой колокольни! Жрать толком не жрём, спим, сидя в креслах. Не помыться, не подмыться! – добавил масла в огонь ещё один москвич.

Но нашему сидению пришёл всё же конец. Перед обедом пришли уже другие офицеры, неместные и всех повели к автобусу.

У ворот части, пока мы ждали водителя, какой-то дежуривший на КПП узбек, поинтересовался:

- Дэнги у кого есть советские? Чарвонцы лучше. За один чарвонэц пятьсот крон даю!

- А зачем тебе советские то? На них же здесь всё равно ничего не купишь.

- Паслюжишь с маё – узнаишь зачэм! – кратко ответил он.

Глава сорок четвёртая.

В Оремов Лазе.

Вскоре нас погрузили в автобус «Каросса» местного производства и опять куда-то повезли. Водителем был сержант-сверхсрочник. Это я понял по трём красным лычкам на погонах. Ему было лет тридцать, и он носил длинные густые усы, что сразу отличало от обычного

сержанта. В армии таких звали «сверчками». Они были в звании от «макарона», то есть младшего сержанта до старшины.

А тем временем автобус проехал километров семьдесят, пока мы не встали у ворот очередной части. Это был Оремов Лаз. По ближайшему посёлку так все звали и часть. Здесь был танковый и зенитно-ракетный полк, а также десантно-штурмовая бригада или просто ДШБ.

Опять, уже в третий раз завели всех в местный клуб, где нас постепенно начинали «покупать». «Покупатели» были в основном их мотострелковых полков с так называемых ЗРАБАТРов. Что означает зенитно-ракетную артиллерийскую батарею. Часть наших осталась в Ружемберке. Там был свой ЗРАБАТР. Остальных разобрали здесь и отправили в Комарно и в Ельшаву. Кто-то пошёл служить в местный ЗРП и в ЗРАБАТР танкового полка.

Я же пока всё ждал своей участи. Но участь всё никак не наступала. И многосуточное ожидание превратилось в страдание. Но вот подъехал автобус и всех оставшихся повезли дальше.

Глава сорок пятая.

В Зволене.

Эта часть была сравнительно крупной. А город Зволен, где она находилась, считался местным центром. В этой части был штаб всей Гвардейской Иркутско-Пинской дивизии, которая занимала почти всю Словакию. Зволен был от Оремов Лаза всего в тридцати километрах. При въезде в него находился огромный средневековый замок, видимо ещё со времён Австрийской империи Габсбургов. А сам город, как я успел уловить, был полон магазинов, кафе, баров, ресторанов и прочих заведений. Уже стемнело, но всюду светилась неоновая иллюминация.

Через КПП мы въехали в часть и остановились у спортзала. Там все расположились в ожидании своей судьбы. Некоторые уже начинали болеть от бесконечных переездов в холоде и сырости. У кого-то был сильный кашель, кто-то страдал от насморка или от боли в горле. Простуда была налицо и на лице. Один парень с красным, как свёкла лицом, тихо упал в углу спортзала и пытался заснуть. Видно, что он уже сильно болен и у него температура, которому быстрее нужна врачебная помощь и лекарства. Но на него «покупателей» пока не было.

Погода под вечер тоже начала портиться, как и настроение в целом. Хотя в Словакии пока не было морозов, но ненастье и мелкий дождь давали о себе знать.

Глава сорок шестая.

Мои «покупатели».

Под вечер пришёл какой-то майор с капитаном. На петлицах у них были скрещённые пушки. Они стали всех обходить и о чём-то спрашивать. Потом подошла и моя очередь. Капитан спросил:

- Откуда будешь, боец?

- Из Горького, - отвечал я.

- Образование среднее?

- Да, а сейчас учусь на втором курсе института.

- О !!! В институте – это хорошо ! Нам грамотные и толковые люди, ой как нужны! Но только сейчас ты на службе, а не в институте. Кстати, а в каком вузе ты учился? – Он сделал ударение на прошедшем времени.

- В водном. То есть инженеров водного транспорта, - быстро отвечал я.

- Это хорошо. Я тоже инженер. Когда-то политех заканчивал. Попал на службу. Понравилось, и решил остаться.

Видать, он поэтому был равнодушен ко мне. Сам когда-то был студентом и тоже технического вуза.

Потом он о чём-то переговорил с майором и сказал:

- Во взводе противовоздушной обороны и радиолокационной разведки при начальнике ПВО дивизии хочешь служить?

- Как скажете, - ответил я ему.

- Что значит, как скажете? Я вот хочу, чтобы ты классным связистом стал. Будешь дежурить поначалу на пункте управления радиотелефонистом. Ну как?

Услышав слово радиотелефонистом, я сразу воспрянул духом. Во первых работа сидячая, то есть не будет ежедневных кроссов и марш-бросков, которыми всех пугали перед службой. Во вторых – работа интеллектуальная, а в третьих – можно попутно и книжку почитать и письмо накатать. При чём дежурство будет в штабе дивизии, а это всё же цивилизация. Длинное четырёхэтажное здание штаба находилось рядом со спортзалом. Да тут и город цивилизный забором. Всё это осмыслив буквально в течении нескольких секунд, я громко ответил :

- Да, я согласен!

Глава сорок седьмая.

В последний приют.

Майор Бородай и капитан Белов – так представились мне мои первые начальники. Капитану на вид было лет тридцать пять, а майору лет на десять побольше, и у него были густые чёрные усы. Бородай пробудет во взводе ещё месяца три, но мне сразу было понятно, что он довольно мягкий командир и это мне, да и всем очень нравилось. Белов был пожестче, но гражданский вуз и вольное студенчество в прошлом постоянно проявлялось в нём. Белов чего-то спрашивал меня про институт и в общих чертах рассказывал о взводе. После чего он меня и ещё девятерых вывел из спортзала. Мы разместились в двух УАЗиках и тронулись. Путь наш лежал в Слячь, где и располагался наш взвод. Там же была лётная дивизия, отдельные эскадрильи и стройбат. Проехав около шести километров, мы встали перед воротами гарнизона. Белов пошёл на КПП звонить в казарму, чтобы нас встретили.

Через полчаса подошёл какой-то сержант с чёрными погонами. Он представился нашим начальникам :

- Товарищ, майор, гвардии сержант Маслов по вашему приказанию прибыл. – А потом добавил :

- Здравия желаю, товарищ капитан.

- Вольно, Маслов, вольно. Долго собираешься.

- Виноват, товарищ майор. Взвод с ужина сопровождал.

- Ну, да ладно. Вот тебе десять человек – молодых солдат, которые будут проходить службу в нашем взводе. Веди их сейчас в казарму, размещай, сообрази что-нибудь насчёт ужина. Покажи каждому кровать, тумбочку, ну и всё, где чего находится. И смотри – безо всяких фокусов ! Проследи, чтобы их никто не обижал. А мы поедем. У нас в штабе дел по горло.

Когда мы уже построились, а УАЗики завели двигатели, капитан Белов на ходу добавил :

- Маслов, завтра мы за ними приедем и повезём их опять в Оремов Лаз на КМБ. Так что расскажи им об этом и подготовь!

- Так точно, товарищ капитан. Расскажу и подготовлю. А за них не беспокойтесь. Никто их и пальцем не тронет. Всё будет в лучшем виде.

Глава сорок восьмая.

Маслов о службе.

После этого они уехали, а мы стояли и ждали дальнейших команд этого сержанта. Он толкнул небольшую речь:

- Здесь вам будет неплохо. Считайте, что повезло. Служба во взводе – не то, что в мотострелковых полках. Зарядка необременительная. Марш-бросков в полном снаряжении, всяких

кроссов – почти не бывает. Начальство далеко. Кроме меня у вас будет два непосредственных начальника. Это командир взвода старший лейтенант Коршунов и прапорщик Андреев . Он же начальник станции.

После чего его речь мне показалась несколько двусмысленной, когда он продолжал:

- Из кожи лезть здесь ни к чему. Никаких подвигов всё равно не совершите. Здесь им нет места. Главное – вы должны быть чистыми, выглаженными и подшитыми. И сапоги всегда должны быть начищенными. Чтоб не стыдно было в столовой показаться. А во взводе во всём слушаться старших по званию.

Потом подумав секунд пять, он добавил:

- И тех, кто прослужил больше года. Но главное – меня, так как я исполняю обязанности заместителя командира взвода. Если кто-то будет дёргаться на вас, тем более из других подразделений, то сразу мне об этом докладывать. А не командиру и не прапорщику Андрееву. Только мне. Я решаю любые проблемы. Ну ладно. А сейчас, шагом марш!

И мы побрели от ворот в сторону казарм. Пройдя метров триста по гарнизону, Маслов нас остановил у одной одноэтажной казармы. Она была уже у самого аэродрома. Военный городок был довольно обширным и непохожим на остальные. Казармы располагались друг за другом и все они были одноэтажными в виде бараков. Кругом были плакаты с надписями, типа «Слава советскому солдату !», «Приказ командира – приказ Родины !», «Воин помни – враг не спит».

За сержантом мы вошли в казарму. У тумбочки стоял дневальный, который сразу воскликнул:

- О, Мойша, целый табун за собой привёл! Вот наконец то тэпэрь жизнь пойдёт!

Судя по внешности этот ефрейтор был представителем какой-то среднеазиатской республики. Маслов разместил нас в классе, а сам куда-то удалился.

Глава сорок девятая.

Встреча с дедами в кубрике.

Мы с полчаса ждали – что же будет дальше? Потом в класс заглянула какая-то заспанная рожа. Этот проснувшийся солдатик был ещё в спальной рубашке. Он хриплым голосом нам пробурчал:

- Здорово, пацаны! А чего вы здесь? Проходите давайте в кубрик.

Через некоторое время, уже умывшись, он опять заглянул к нам и стал расспрашивать кто мы и откуда. После чего он повёл нас в кубрик, где на кроватях лежали с десяток дедушек.

- А ну, салаги, стройся давай в одну шеренгу ! – не очень-то ласково скомандовал один из них.

Мы построились.

- Ну что, будем знакомиться? – продолжал второй.

- Меня Паша зовут. А среди вас, я как слышал, есть москвичи.

После чего мы должны были по очереди отвечать, где кто жил и чем занимался до службы. Затем Маслов попросил водителей выйти из строя. Вышло человек пять, а один из них громко крикнул:

- Я тракторист!

После чего громовой хохот потряс казарму. А Маслов продолжал:

- Вы чё, блин, не поняли? Ну, встать всем в строй. Я русским языком просил из строя выйти только водителей. Поняли?

- Так точно! – отвечали мы.

- И так, - продолжал он, - водители, два шага вперёд!

- А я тракторист! - опять неистово крикнул и вышел вперёд этот деревенский паренёк.

Теперь уже ржали все и многие не могли остановиться. Маслов сквозь хохот повторил:

- Я же сказал, водители. А ты кто таков будешь, чудо в перьях?

- Рядовой Фадеев, - отчеканил деревенский.

На это Маслов ему ответил:

Теперь рядовой Фадеев будешь ты здесь зваться Трактором. Раз ты сам так этого хочешь. Я тебя за язык не тянул. Услышав, как тебя кто-то зовёт, ты должен громко ответить – я. Это и ко всем относится. Понятно?

- Так точно, - парировал Фадеев.

- И так, рядовой, Трактор!

- Я! – отвечал Фадеев.

- Ко мне три шага вперёд!

Трактор подошёл к Маслову.

- Хорош гусь. Значит, у себя в колхозе трактористом работал?

- Так точно.

- Понятно. Но армия не курятник, а БМП не трактор.

Потом вмешался туркмен-ефрейтор:

- Их надэ спортом провэрить. Кто каким занимался на гражданке?

Мы по очереди стали говорить – каким видом спорта занимались в последние годы.

- Погоди ты, Бабай, они ещё не хрена ни в чём не шарят, - встрянул чёрный крепыш с хохляцким говором. – Мойша, объясни им политику партии и правительства.

Этот чёрный крепыш был рожей своей похож на жабу, а кличка у него здесь была Ара.

Глава пятидесятая.

Два варианта службы.

Мойша, то бишь сержант Маслов пояснил:

- Дело вот в чём. Есть два варианта службы. Вариант первый – это служить строго по уставу, где каждый день в шесть утра физзарядка с пробежкой в пять километров, а после завтрака сорок минут строевая подготовка. Потом политзанятия и всё остальное строго по расписанию. Строевой же будем заниматься три раза в день. Марш-броски будут каждый божий день. Причём в полном боевом снаряжении, то есть в ОЗК, в противогазе и с автоматом. Обращаться друг к другу будите строго по уставу. К старшим по званию подходить только строевой и докладывать по форме. Отвечать строго: есть, ни как нет и так точно. Проходя мимо друг друга, не говоря уже о старших по званию, - всегда отдавать честь. За малейшее нарушение – наряд вне очереди. За нарушение средней тяжести – два наряда вне очереди. Если нарушения массовые, то все идём в спортгородок и занимаемся там до потери пульса. Или здесь тягаем мамку, то есть штангу и отжимаемся на счёт. Кто будет плохо отжиматься, тот будет этим заниматься целый день.

Потом после небольшой паузы он продолжил:

- Но есть и другой вариант. При нём почти нет никаких марш-бросков и кроссов. Спортивные нагрузки незначительны. Через полгода, а полностью через год каждый сможет заниматься спортом в своё удовольствие. Через полгода – пожалуйста, бегайте на зарядку, если есть желание. Строевой почти никакой не будет. Обременительных занятий по расписанию будет тоже немного.

- А что же тогда будет? – спросил его на это кто-то из наших.

- Простое обслуживание. Будите делать то, что вам скажут. Приказывать вам может только тот, кто уже прослужил больше года. Естественно только из нашего взвода. Если всё будите выполнять и шарить, то станем жить душа в душу. А если нет, то уж не обессудьте. Тогда пеняйте на себя. В армии надо шарить. То есть суметь достать что-то ценное и нужное и для взвода и для тех, кто в нём прослужил определённый срок. И вообще при таком варианте больше будите сидеть в тёплой казарме, а не бегать под дождём и снегом или топтать строевой на морозе. До полгода – вы духи, через полгода – гуси. В Союзе гусей зовут черпаками, но это неважно. Главное – через год вы становитесь кандидатами или кандедами. Ну а через полтора – дедами. А через два года, уже сразу после приказа – вы дембеля, то есть гражданские люди. Через полгода вам уже будет легче, потому что придут новые молодые, где основные тяжёлые работы по уборке и обслуживанию лягут на их плечи. А через год вы уже здесь свободные люди и будите полностью избавлены от всех физических работ, как в наряде, так и вообще. Потому что всё станут делать духи и гуси. И начнётся у вас совсем иная жизнь! Спать досыта, молодых гонять, ходить в село на дискотеки, пить вино и пиво, заниматься бизнесом – всё в вашем распоряжении. Деда вам слова на это не скажут. Лишь бы во взводе был порядок, и молодые делали бы всё, что им положено. А вы будите только следить за ними и подгонять их, то есть воспитывать в духе преданности «партии» и «правительству». Так что подумайте хорошенько, ведь такая лафа и пасека вас ждёт. Не служба, а малина сплошная. Ну, у меня пока всё. Пять минут вам на размышление.

После этого он вывел нас из кубрика в бытовку, где мы стали обсуждать всё сказанное.

- Пацаны, давайте соглашаться на второй вариант, - сказал один из подмосковной Электростали и добавил:

- Полгода помучаемся слегка, зато потом будем жить, как короли!

- Да это же провокация! – возражал ему я, - вы, что не понимаете, на что мы подпишемся в таком случае. Это же не служба будет, а хрен знает что! Мы чего, им лакеи что ли?

- Дурак, ты! И не лечишься, - влез в разговор ещё один москвич. – Пойми, что если по мелочи мы что-то будем делать для них, то во-первых с дедами у нас всё нормально будет. Во-вторых мучать марш-бросками и строевой нас никто не станет. А в третьих – через полгода уже свободно вздохнём, сами молодых гонять начнём. А уж через год – такая лафа начнётся, о которой в других частях мечтать только можно.

- Брось, ты! – опять возражал я, - сами своим согласием кабалу себе подпишем. Нужно выбрать первый вариант, как они его называют – службой по уставу.

Все другие наши или промолчали или склонились ко второму варианту. Пять минут прошло, и мы опять встали в кубрике в одну шеренгу. Один из тех москвичей, с кем я спорил, доложил:

- Мы подумали и выбрали второй вариант. Нам это больше подходит. Правда, были тут сомневающиеся. И он посмотрел в мою сторону. Но мы этот вопрос уладили.

- Вот и ладненько, - обрадовался Мойша, - а теперь я вам в двух словах расскажу о взводе.

Глава пятьдесят первая.

Рассказ Мойши о взводе.

- Взвод наш гвардейский и находится в личном распоряжении начальника ПВО дивизии полковника Ганжи. Здесь у нас казарма, в которой есть кубрик, класс, ленинская комната, бытовка, каптёрка, канцелярия командира, фотолаборатория и оружейка. Дальше по коридору – умывальник и сортир. Вторая половина казармы для батарей, которые меняясь, постоянно там находятся. Их всего четыре. ЗРАБАТРы из Ельшавы, из Комарно, из Ружемберка и батарея танкового полка из Оремов Лаза, где вы уже были. Все они по очереди заступают на боевое дежурство. Кроме казармы у нас есть два бокса в парке вместе с «фанерой». Это мы так зовём летунов, которые не летают, а обслуживают лётчиков. Там у нас часть техники, в том числе два БТРа связи. За парком находится наша позиция, где есть несколько РЛС и «Пароль». РЛС-119 и станция связи Р-118 находятся на постоянном боевом дежурстве. На РЛС-119 происходит также и боевая работа. После КМБ вы это всё увидите. У нас всего десять единиц техники. Есть также КШМ, то есть командно-штабная машина, что чисто для учений и транспортный ЗИЛ, который используется очень часто. Столовая наша недалеко. Дневальному туда нужно постоянно ходить с дежурным на заготовку. Это перед каждым завтраком, обедом и ужином. Чтобы было всё, что положено и плюс ещё то, что можно раздобыть на кухне. Например, подливу и консервы, груши и сахар в нужном количестве. Есть у нас и клуб, где по выходным крутят фильмы.

Потом после паузы он заключил:

- Ну чё! Все ясно? А завтра вас увезут в Оремов Лаз на курсы молодых бойцов, где погоняют, как положено. А через неделю уже здесь начнёте тащить свою службу.

Глава пятьдесят вторая.

Речь Сёмы о бабах.

Потом выступил с речью его приятель-украинец, сержант Сёма, из соседней лётной части.

- Духи! Ну рассказывайте, у кого девчонка дома осталась и ждать обещала.

После чего он всех начал опрашивать лично. Почти у всех из нашей десятки дома была девчонка.

Потом Сёма продолжал:

- Ну вот, у тебя ? – он показал пальцем на москвича из Одинцово. - Думаешь она будет тебя ждать? – Хрен. На следующий же день, как проводила тебя, наверняка уже под другого легла. Может она первое время будет тебе писать и говорить, что любит и жить без тебя не

может. Но на самом деле начнёт с другими пацанами гулять и трахаться. Вот, как у меня например случилось. Клялась и божилась, что ждать меня будет, а сама через полгода замуж выскочила.

- Тебя как зовут то ? – Спросил Сёма нашего москвича.

- Геннадий, - отвечал он.

- Гена. Крокодил значит. Я уверен, что изменяет она тебе и ждать хрен будет.

- Это почему не будет. Если тебя не дождалась, то не значит, что у всех такие шлюхи, как твоя ! У меня всё будет окей ! – резко ему отвечал наш москвич.

- О, да ты я гляжу бурый совсем ! Во первых, товарищ сержант, а во вторых у меня шлюха значит была, а у тебя святая что ли ? Сам то ты не святой случайно?

После чего Крокодилу последовал мощный удар в грудную клетку. Он слегка пошатнулся, но удержался на ногах.

- Ладно. На первый раз прощаю. Только ты запомни, москаль, - все бабы одинаковые и никто их не переделает.

Тут в затянувшийся разговор включился Мойша :

- Ну всё, духи. Сейчас разойдись, и готовься к вечерней проверке. Можете в классе письмецо отписать, если желание есть.

Глава пятьдесят третья.

Первый вечер во взводе.

Мы разошлись и стали приводить себя в порядок. Кто-то чистил сапоги, кто-то умывался и чистил зубы. А Мойша сказал :

- А ну ка рядовой Высоцкий, покажи духам, как правильно подшиваться. Ведь это им придётся делать каждый день и по несколько раз за вечер.

- Есть, товарищ сержант ! –отвечал гусь Высоцкий.

Он в бытовке начал нам объяснять процедуру подшивания :

- Берёте кусок чистого белого материала, а не своей простыни или простыни товарища. Если он закончился, а новый пока не выдали, то берёте щётку ДК и дравите с мылом старый подворотничок. Потом сушите его утюгом. После – заглаживаете утюгом в таком виде. Потом начинаете подшивать его к кителю.

И он стал подробно описывать этот процесс, попутно объясняя :

- Подшивать вам придётся по несколько человек за вечер. Так что скорость должна быть высокой и качество конечно тоже.

Когда он закончил эту процедуру, мы начали подшиваться. Потом используя остатки времени до вечерней проверки, многие пошли в класс писать письма. Я написал родителям, своей Маринке и одному старому другу. В письме родителям я немного откровенно описал ситуацию, в которую мы все попали. Да ещё написал по глупости то, чем предстояло здесь заниматься. В остальных же письмах было только описание дороги и как тяжело и долго мы добирались. Да ещё разные общие фразы и приветы.

После этого по инициативе Мойши, да ещё одного кандеда по прозвищу Дядька, решили они некоторые наши письма зачитать перед всеми вслух. Как на зло они стали настаивать на последнем моём письме родителям, которое ещё не успел запечатать. Я сначала отнекивался, но они вырвали у меня его из рук и стали читать вслух. На второй странице, где и были мои откровения, мне стало не по себе.

- Может хватит, - сказал я.

- Ничего. Нам интересно, что ты там про нас накатал, - ответил мне Мойша. – Так значит тебе обслуживать придётся, а не служить ?

Мощный и неожиданный удар в грудь отнёс меня на пару метров, где я снёс несколько столов и еле держался на ногах.

- Значит служба тебе не нравится, - начал воспитательную речь Дядька после проведения своего коронного удара. – Что ж, ты гад, родителей то расстраиваешь и херню им такую пишешь ?

Потом он повернулся к Мойше и сказал:

- Вот начнут теперь военкомат трясти и спрашивать – куда вы нашего сыночка услали? Мол, изверги там одни. А у нас, не дай бог, расследование начнётся! Значит так маменькин сынок: сейчас ты при всех сожрёшь это письмо и напишешь новое, где скажешь, что всё ништяк, попал служить в отличный взвод и всё у тебя нормально, как и положено. И не дай бог ляпнешь хоть одно слово, что тебе тут не нравится. А потом дашь нам почитать.

- Написать, напишу новое, а жрать ничего не буду, - ответил им я.

- Ладно, пиши.

И Дядька разорвал моё письмо на мелкие кусочки, бросив их на пол. После чего заорал истошно:

- Дневальный, что у вас здесь за мусор? А ну убрать это немедленно!

Я подумал, что и впрямь не стоило писать родителям даже ту часть негатива про взвод и порядки в нём. За пять минут я накатал новое письмо и Мойша с Дядькой опять взяли его у меня.

- Ну вот, теперь другое дело! Это то, что надо! Так и впредь всегда пиши, - воскликнул после прочтения Мойша.

Но Дядька ему шепнул :

- Этот дух всё равно опасен, может в другом месте то же самое написать.

- Ну вот ты и перевоспитавай его, чтоб подобные мысли больше не возникали, - с улыбкой отвечал ему Мойша.

Потом у нас была вечерняя проверка, после которой оставалось полчаса до отбоя, который был в десять часов. Мы все за этот день страшно устали и морально и физически и просто валились с ног. Многие сразу же отрубались. А мне лезли в голову всякие мысли. Завтра предстоял отъезд на КМБ, а через неделю возвращение в этот ненормальный взвод, где служба предстоит не такая, какой я себе её представлял.

Глава пятьдесят четвёртая.

Курсы молодого бойца.

Утром в шесть ноль-ноль был подъём. Маслов, которого канеды звали Мойшей, погнал нас на зарядку. Кителю остались лежать, и нам в одних ночных рубашках сначала было довольно холодно. Пробежка была до конца аэродрома и обратно. После небольшой зарядки мы умывались и чистили зубы.

Затем Маслов преподавал нам урок по наматыванию портянок. Поначалу никто не умел это делать правильно, а кто сразу не освоил, тем в Оремов Лазе пришлось здорово натереть ноги.

Уже в восьмом часу приехал майор Бородай и капитан Белов. Нас на двух УАЗиках повезли снова в Оремов Лаз. По приезду сразу был завтрак. Потом нас отвели в казарму, где каждому показали койку. Но на неё садиться в течение дня было строго запрещено. Она служила только для сна.

У нас было два сержанта, которых через сутки меняли другие сержанты. День начинался с подъёма, пробежки в пять километров и продолжительной зарядки. Были упражнения на турнике: подтягивание, выход силы на каждую руку и на обе руки, подъём с переворотом и склёпка. Конечно, не у всех всё получалось. Но я перед армией за год ещё тренировался на школьном дворе. Поэтому мне всё было легко и даже приятно. Также были упражнения на брусьях и обычная зарядка. Потом по расписанию шло умывание, чистка зубов и сапог, подшивание, утренний осмотр, и наконец в восемь часов – завтрак. После завтрака – политинформация и политзанятия. Потом - хождение строевой по плацу. После – обед, а во второй половине дня нас везли на полигон на стрельбы.

Я уже второй раз стрелял из «Калаша» после школы. Помимо одиночных выстрелов, стреляли мы также и очередью. Офицеры потом собирали мишени и смотрели наши результаты. Я стрелял неплохо благодаря тренировкам в школе на НВП и частому посещению тиров разных видов. Тут у меня появился азарт и страстное желание служить, занимаясь большей частью спортом и стрельбой. «Так и должно быть!» - думал я в это время.

После стрельб у нас в течении недели были занятия по тактической, военно-медицинской, топографической и другим видам военной подготовки. Затем – ужин, а после него была пара свободных часов с обязательным просмотром по ящику программы «Время». Вечером мы также подшивались, чистили сапоги, что-нибудь стирали. Потом была вечерняя проверка, а в десять – отбой.

Кроме нашей десятки на КМБ было ещё сотни три человек. Здесь мы должны были и присягу принимать. Время шло довольно гладко и мне здесь даже понравилось. Вспоминалась речь майора Борода о том, что служба наша во взводе будет нетяжёлой и то, что многие даже завидовали тем, кто служил в нём. Интересно чему? – думал я. Теперь картина немного прояснялась. Во-первых, когда мы бегали утром вдоль аэродрома, то кроме нас и гусей, остальные на эту пробежку не пошли, а разбрелись по углам, кто куда. Во-вторых – начальство далеко, а командир с прапором утром приходят часам к восьми, а вечером в семь наверно сваливают домой к жене и детям. Ведь они появились утром, когда мы уже уезжали в Орёмов Лаз.

Командир взвода – старший лейтенант Коршунов был высоким и довольно крупным, с полным, слегка даже пухлым лицом. На вид ему было около тридцати лет. Прапорщику Андрееву на вид было лет чуть побольше, и он был невысокого роста и худощавого телосложения. Толком познакомится и узнать их, мне пока не удалось. Командир только зачитал нас на утренней проверке и собрал у всех военные билеты.

Глава пятьдесят пятая.

Принятие присяги и возвращение во взвод.

Так неделя наших курсов постепенно подходила к концу. Мне ещё удалось написать пару писем своим друзьям. И вот, наконец настал день присяги.

Нам ещё во взводе выдали шинели и утром в воскресенье мы, одев их, по команде построились на плацу. Присяга проходила в торжественной обстановке. Текст её мы уже выучили наизусть. У нас был даже своеобразный зачёт по ней.

Так по очереди, с автоматом на ремне, держась левой рукой за него, а в правой держа текст присяги в толстой красной обложке, мы торжественно клялись на верность коммунистической партии и советскому народу. Клялись защищать Родину и не жалеть сил и живота своего на это благое дело. Старшим в этот момент был майор Гаврючков. Это такой серьёзный усатый майор, довольно строгий, как ему и положено, но понимающий и заботливый.

Я без проблем тоже выполнил этот ритуал и прошёл строевой, которую я откровенно ненавидел. При ходьбе я видимо что-то сделал не так, что даже были слышны чьи-то недовольные реплики в мой адрес. Но особого значения всё же этому, никто не придавал. И я быстро встал в строй.

На присягу пришло много жён и детей офицеров и прапорщиков. Обстановка была праздничная. Кругом развивались флаги и знамёна. Да и день выдался солнечный и сухой. Нас всех фотографировали по очереди в момент чтения текста присяги.

Единственное, что никого не было из родственников и близких тех, кто принимал саму эту присягу. Оно и понятно. Заграница есть заграница. Да и время такое.

После присяги был праздничный обед с довольно цивильной пищей, состоящей из борща, котлет, плова, салата с кучами конфет, вафель и печенья. Всё это по сравнению с кашей-парашей, которую нам часто давали до этого, было просто деликатесом. Ведь даже когда на неделе было что-то путное на столах – нам просто не давали это есть. На приём пищи давалось ровно пять минут, а потом сержант вставал и командовал: «Закончить приём пищи. Выходи строиться». Мы и прожевать то толком не успевали. Не каждому в достаточной мере доставалось то, что ему было положено. Это потому, что везде была бочковая система, а при ней, как известно, кто не успел, тот опоздал. Одни схватили, а другим уже не досталось, а если досталось, то намного меньше. Был только один сержант, который правильно и всем поровну всё распределял. Другие, слегка прикусив, выгоняли нас на улицу, где мы его ждали, пока он наговорится со своими друзьями.

Но в день присяги нас никто не торопил, и мы смогли наесться до отвала. Таким же праздничным и цивильным был у нас и ужин. Всё воскресенье мы смотрели телевизор, болтали друг с другом о том и о сём, а вечером нас повели в клуб, где показали прикольный фильм.

Так и пролетела неделя. Мы получили фотки на следующее утро, где я вышел довольно неплохо. Их я отослал домой. В понедельник нас десятерых повезли обратно в Слячь, в наш доблестный гвардейский взвод.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДУХ ЦГВ.

Глава первая.

Поиски сигарет.

Вернувшись, мы ждали другого отношения к себе со стороны сослуживцев по взводу. Ведь мы прошли уже курсы молодых бойцов и приняли присягу. Но, увы, всё вернулось на округи свои. И в первый же день нас поставили на место.

Я весело болтал в ленкомнате с одним из наших по кличке Воробей, потому что у него фамилия была Воробьёв. Рядом рисовали дембельские альбомы Клим и Дядька. Они прослужили один год, но уже упорно готовились к дембелю. Дядька, он же Дьяк, резко оборвал нашу весёлую задушевную беседу:

- Эй, индейцы! Вы я вижу совсем обурели! Ну ка улетели за двумя сигаретами быстро!

Воробей быстро сообразил, что тон у него слишком недружелюбный и как настоящий московский интеллигент, подошёл к нему и переспросил :

- Вам курить что ли найти ?

- Да, и побыстрей. И чтоб в рабочем виде, - резко ответил Дьяк.

Через секунду Воробей уже выбежал из дверей казармы и начал у всех подряд стрелять сигареты. Сам он не курил, но пришлось прикурить, чтоб сигарета была, как говорится в рабочем виде. Он через пару минут был уже в ленкомнате с дымящейся сигаркой.

- Шаришь! Молодец! – сказал ему Клим и первым взял сигарету. Дьяк же сидел злой и угрюмый. Он только сквозь зубы процедил ;

- А мне наверно два часа придётся ждать. Этого видать, как за смертью посылать.

Я выбежав в курилку, никого там не нашёл и пришлось бежать дальше – в курилку соседней казармы. Как на зло мне никто не давал и лишь один, уходя, сунул, мне догорающий чинарик. Это меня не устраивало и пришлось бежать дальше и дальше. Может не бегать и не искать ничего – подумал я про себя. Нет, они, как звери набросятся на меня. Сначала лучше с ними не конфликтовать. А если сказать мол, с какой стати я должен искать вам курить? Последствия видимо будут печальные. Ладно, придётся стерпеть. Тут, как раз вышел дежурный из соседней казармы и смачно затянулся только что прикуренной сигаретой.

- У вас закурить не найдётся ? – вежливо спросил я его.

- Послали что ли ? – спросил он.

- Да, именно, - ответил я.

- Ну ладно, держи. От вас постоянно стрелки к нам бегают. Вам что, сигарет не выдают что ли ?

- Да выдают. Но уже кончились у всех. А следующая выдача будет только через пять дней, - объяснил ему я.

- Курите много. Здоровье бы поберегли, - заключил он и удалился.

После этого я пошёл к своей казарме. Дьяк уже стоял на крыльце и курил.

- Вот, удалось найти одну, - спокойно сказал я.

- Одну? Ты полчаса где-то лазил, душара! Воробей за это время уже почти полпачки настрелял. Ладно, пошли со мной.

Мы вошли в бытовку. Там в углу лежала штанга.

- Хватай, «мамку», и чтоб тридцать раз присел с ней. Раз командир сказал – вас пока не трогать, значит будем заниматься спортом, чтоб лучше понимать.

Я уже осознавал, что происходит, но надеялся, что у него пройдет эта мне непонятная злость, которая появилась просто так, из ничего, на пустом месте. Поэтому я с улыбкой взял штангу и спокойно присел с ней десять раз. Дальше приседать становилось всё тяжелей и тяжелей. Дьяк начал командовать на счёт :

- Раз, два. Раз, два. Резче давай делай. Как курица приседаешь.

Вытянув кое-как тридцать раз, я положил штангу обратно в угол.

- Ну что ? Теперь понял, что в армии надо всё делать быстро ?

- Понял, - отвечал я, чуть дыша.

- Теперь, если я скажу что-то сделать, ты должен это делать в минуту. Если бы я раньше на твоём месте искал полчаса одну сигарету, то меня убили бы сразу по приходу. Так что учти это на будущее.

Еле дыша, и весь в поту, я поплёлся в умывальник, чтобы освежиться и придти в себя.

Глава вторая.

Дьяк.

Дьяк или Дядька, как его чаще звали, прослужил всего один год, но казался уже закоренелым дедом. Звали его Николай по фамилии Дякив. Родом он был с западной Украины из села Дмитров под Львовом.

Письма домой и своей подруге он писал на родной украинской мове. Мне даже казалось странным, что у такого монстра была, судя по фотографии, довольно красивая подруга. Ему было всего девятнадцать лет, хотя выглядел он лет на десять старше. На лицо был весьма страшен, но не в смысле, что был каким-то уродом. Нет, он был совсем не урод. Но таких людей не часто встретишь на улице. Просто его вид внушал ужас и уважение одновременно. Увидев его лицо, постоянно мрачное, сразу было понятно, что с таким лучше не спорить. Казалось, что он никогда не улыбается. Улыбку на его лице впоследствии за весь год я видел всего несколько раз. И то, когда он был в подпитии. Для духов он был настоящим дьяволом. Со всеми, включая и свой призыв, Дьяк был немногословен, а голос у него был низкий и угрожающий. В каждом его слове слышалось предупреждение.

До службы Дьяк работал сапожником и в армии он слыл тем, что за определённую плату из гавна мог сделать крутые сапоги или ботинки. Заказы он принимал неохотно. Видимо всё зависело от суммы, которую мог заплатить заказчик. Но желающих было, хоть отбавляй.

Дьяк был довольно развит физически, рост его – чуть выше среднего, он был широкий в плечах и очень жилистый. На его фигуре совсем не было жира, только жилы и мускулы. Сам был, как камень, очень твёрдый и в прямом и в переносном смысле одновременно. Лицо у него было часто красным, а глаза и взгляд, как у большой белой акулы. Нос – очень крупный, прямо таки рубильник. Волосы – русые, обычные. Его глаза сверлили каждого. Этот взгляд можно запомнить на всю жизнь.

Он очень много курил. Я посчитал, что за час он выкуривал две-три сигареты. А в день у него уходило полторы пачки. Но это никак не отражалось на его здоровье. Он только кашлял иногда. Во взводе его все уважали. Даже с его призыва некоторые побаивались Дядьку. В друзьях у него ходили Клим, он же Клименко, Ара, он же Ткачук и единственный дед во взводе – Мойша, он же сержант Маслов. И конечно же Шура Густой, который был его сменщиком по боевому дежурству в Зволене. С Густым они обдывали свои финансовые делишки в штабе дивизии в Зволене, где был пункт ПВО «Исследуемый», куда ходили ежедневно на боевое дежурство.

Дядька никогда не бил молодых просто так, как это любили делать многие его годки и те, кто прослужил всего полгода. Проходя мимо дневального, которым часто в дальнейшем был и я, он никак не реагировал на него, не давал просто так тумачков, как Бабай, и не бил в грудь со всей силы, как это делал Ара. Он только пронизывал всех своим мрачным взглядом акульих глаз. Но если Дядька решил с кем-то расправиться, то плохо было его противнику. Он, как здесь все говорили – не бил, а убивал.

Как-то Дьяк проверял качество уборки в бытовке. Дневальным тогда был Абрикос. И обнаружив бычки, засунутые под плинтус, он заставил Абрикоса съесть их. Тот долго сопротивлялся, говорил, что такое больше не повторится, но тем не менее пару бычков ему пришлось пожевать. После чего он в умывальнике долго полоскал свой рот.

Однажды туркмен Бабай, его одноклассник, задолжал ему немного денег. Дядька звонил ему из Зволена с дежурства. Мне удалось подслушать их разговор. Дядька грубым и низким голосом спросил :

- Бабай, ты нашёл то, что мне должен?
- Дядька, пока нэт, но скоро точно будут.
- Бабай, ты видно забыл, у кого занимал.
- Нэт, нэ забыл, я всё помню!
- Бабай, посмотри наверх на потолок! Что ты там видишь, ничего не висит?
- Да нет, Коль, только лампочка висит.

- Там висит твоя пи...лина, которую ты завтра получишь, если к моему приходу денег не будет, понял?

- Да Коль, понял, буду искать.

Вот такой короткий разговор у него был с теми, кто ему что-то задолжал или сделал ему что-то неприятное. Кто-то из гусей рассказывал случай, произошедший незадолго до нашего призыва во взвод. Коршунов – командир взвода, забрал к себе гитару, возмущаясь тем, что надоело ему слушать это бесконечное треньканье. Дьяк же в это время усиленно учился мастерству игры на этом инструменте. Он пришёл в канцелярию к командиру и сказал:

- Тыщ старший лейтенант, прошу вернуть нам инструмент.

- Хрен вам всем, - ответил Коршунов. – Она теперь у меня будет лежать.

Дьяк протянул руки к гитаре, а взбесившийся Коршунов с силой вырвал её у него и ударил о стену, при этом сломав гриф. После чего Дядька расвирипел и с кулаками бросился на командира. От Коршунова он получил точный удар в свой рубильник и вылетел из двери. Командир потом сразу закрылся в своей канцелярии. Дьяк рвался в дверь, но безуспешно. Коршунов молчал. Через полчаса командир резко вышел из канцелярии и незаметно уехал домой на велосипеде. На утро естественно все страсти уже улеглись. Таким образом, Коршунов даже не знал, как себя вести с таким солдатом. Если бы драка разгорелась и о ней бы узнали в штабе дивизии, то прощай командирская должность и спокойная жизнь. Поэтому он не стал ничего раздувать и выносить сор из избы. Но к Дьяку у него стало особое осторожное отношение после этого инцидента.

Глава третья.

Пробуждение взвода.

Второй день во взводе начался, как и положено с подъёма в шесть ноль-ноль. Дежурным был младший сержант Озеров, только что прибывший во взвод из учебки, когда мы были на КМБ. С ним же из учебки прибыл его одноклассник – ефрейтор Левчук. Они заступали дежурными по очереди. Других пока никого не ставили. Под руководством Мойши Озеров с шести часов утра начал командовать нами :

- И так, кровати снесите в другой конец кубрика, потом подметайте пол, а после натрите его вот этими кусками от старых шинелей, чтоб паркет блестел, как у кота яйца.

Мы принялись сдвигать кровати. Кандеды продолжали мирно спать, сопя и зевая. Им наверно снился очередной сладкий сон. Гуси, прослужившие полгода, ушли умываться, подшиваться и чиститься. Сдвинув кровати, нам открылся грязный пол, покрытый бычками и пеплом. Кандеды всегда по ночам курили, лёжа в кровати, а бычки просто кидали на пол. Один из наших одноклассников по фамилии Макаров начал быстро сметать мусор в одну кучу.

- Как ты подметаешь? – воскликнул Мойша. – Утром уборку надо делать в десять раз быстрее, чем днём. Ну ка дай сюда метёлку.

Он взял её у Макара и стал всем нам показывать, как надо быстро и правильно подметать.

- Вот так! Всему вас учить надо, - с умным видом заключил Мойша.

Потом Озеров выдал нам всем куски шинели, и мы начали ногами натирать паркетный пол.

- Опять, всё не так! Вы, что ещё не проснулись? – снова кричал на нас Мойша.

Он показал нам скоростное натирание полов и добавил:

- Видите, как блестит паркет. Чтоб у вас также блестел. Чтоб не одной дощечки тусклой не осталось.

Так мы натирали пол, а потом спящих кандедов относили обратно на своё место. Гуси застилали кровати сами, а кровати кандедов застилали мы, но не сразу, а в процессе того, как они начинали постепенно подыматься. Они уходили в сортир и в умывальник, а мы тем временем заканчивали уборку в кубрике. Особо спящих кандедов, Озеров заставлял будить, но ласково, так как он и сам ещё многих побаивался. И лишь под предлогом, что скоро придёт командир. Потом уборку мы продолжали в бытовке.

С семи часов дневальный обязан был особо бдительно «рубить фишку», то есть следить за улицей и заранее предупреждать всех о приближении командира. Тот приезжал всегда на велосипеде где-то с семи до восьми. Следом за ним приходил прапорщик Андреев – начальник станции, а в сущности заместитель Коршунова. Сегодня дневальным был гусь Кузьмин, которого все звали Кузьмой. Кузьма хорошо знал своё дело по части бдительного слежения за приближающимся командиром. Коршунов всегда по приходу спрашивал у дневального о том, где дежурный и когда закончилась зарядка, которая на самом деле почти никогда не проводилась.

Сегодня дневальный за километр разглядел командира на велосипеде и успел заранее всех оповестить об этом.

- Командир идёт! – громко закричал он. – Командир, командир идёт, - мигом разлетелась весть по всей казарме.

Почти все кандеды уже встали, хотя многие в этот момент лежали на кроватях одетые, только без ремней и без сапог. Услышав неприятную весть, они быстро вскочили, полностью оделись и поправили свои кровати. Но двое – Ара и Паша Борисов так и не поднялись, продолжая спать, как ни в чём не бывало. Услышав известие о приходе командира, они судорожно начали одеваться, но, увы, не успели скрыть своё позднее пробуждение.

- Взвод, смирно! – гаркнул дежурный. Потом он строевым шагом подошёл к старлею и отчеканил: - Товарищ старший лейтенант, за время вашего отсутствия никаких происшествий во взводе не отмечено. Дежурный по взводу, младший сержант Озеров.

- Вольно, - ответил Коршунов.

- Взвод, вольно! – объявил Озеров.

Командир напрямик проследовал в кубрик, чтобы проверить – нет ли спящих или только что вставших и неодетых. Ткачук с Борисовым в этот момент застёгивали пуговицы на кителях.

- Так, время восемь доходит, а вы только что проснулись, - спокойно сказал Коршунов.

- Товарищ старший лейтенант, мы умываться ходили после зарядки, - мгновенно среагировал Ткачук.

- Да ну! Вы на зарядке были? Уж не босиком ли бегали?

Они посмотрели на свои босые ноги, но Ткачук и в этот раз нашёл что ответить:

- Да мы только что разулись. Ноги натёрли.

- Вы у меня оказывается только что призвались на службу и с непривычки ноги натёрли до мозолей. Бедные вы мои. Тяжело вам бегать то в сапогах, - шутливо, но злобно ответил им командир, а потом добавил:

- А сейчас форма номер два и с голым торсом бегом до КП аэродрома и назад!

Ткачук с Борисовым стали неохотно раздеваться и потом по пояс раздетые побрели к выходу.

- Бегом, я сказал! – крикнул им вдогонку Коршунов.

Они вышли из казармы и уселись в курилке. Командир вышел вслед за ними и увидев их в курилке с дымящими сигаретами, заорал пуще прежнего :

- Бегом, до конца аэродрома. Тридцать минут, чтоб я вас здесь не видел!

Аре с Пашей пришлось трусцой добежать до ближайшего поворота, где они свернув, побежали отсиживаться на позиции, в тёплой станции.

Командир этим временем прокричал дневальному:

- Объяви команду – всем строиться !

- Взвод, выходи строиться ! – послушно среагировал дневальный.

Мы построились и старлей начал с недовольным видом обходить строй.

- Так. Утреннего осмотра не проводилось. Взвод с утра – кто в лес, кто по дрова! Дежурный, зарядка была?

- Так точно, товарищ старший лейтенант, была! А утренний осмотр ещё не успели провести.

- И так, первый и последний раз повторяю, что на утренней пробежке быть всем, а не только молодым. Это касается в первую очередь Ткачука и Борисова.

А они к этому времени показались в дверях казармы. Коршунов неистовым взглядом посмотрел в их сторону, а потом продолжил:

- Утренний осмотр надо проводить вовремя и до моего прихода. А когда я приду – это моё дело. Чтобы все были подшиты чистым подворотничком, выбриты, постираны, выглажены, почищены, подстрижены и под... подмыты тоже. И чтоб никаких усов! Это в первую очередь тебя Борисов касается. И короче, чтоб вы не позорили меня и честь нашего гвардейского взвода.

Потом он, распустив всех, кроме нас молодых, провёл с нами небольшую беседу по вопросам дисциплины.

- Вы во всём должны слушаться только меня и прапорщика Андреева, а в наше отсутствие – дежурного по взводу.

После чего он вопросительно посмотрел в сторону дежурного Озерова и продолжил:

- Всем остальным, чего бы они вам не говорили, вы не обязаны подчиняться. Всем надо находиться в пределах казармы, а если есть необходимость отлучиться, например на позицию или в бокс, то уйти можно только с разрешения дежурного или по его приказу, чтобы он знал – где каждый из вас находится в данный момент. Если приедет Ганжа, то есть полковник Ганжа, наш начальник ПВО дивизии, или кто-то из его помощников, то всё должно быть так, чтобы я моментально мог вас построить. А сейчас ефрейтор Левчук отведёт вас на завтрак, а после на позицию для осмотра техники. Левчук! Строй всех!

Глава четвёртая.

Ефрейтор Левчук.

Новый дежурный Левчук повёл взвод на завтрак. Наша десятка молодых шла впереди, за нами шли гуси, а канеды плелись в самом конце. Ефрейтор Левчук призвался на службу всего на три с половиной месяца раньше нас, в середине июля. Это был так называемый спецпризыв. За это время он уже успел пройти учебу. Первое время он был мягким и добродушным с нами. Мы все уже начали принимать его, как своего. Он был очень осторожен с канедами и старался изо всех сил, как можно быстрее встать рядом с ними на одну планку, то есть пользоваться теми же правами, что и они. У него был надёжный земляк и товарищ – Дядька. А это уже о многом говорило. Левчук не получал по шее от Ары, как Озеров, так как жил с ним в соседней области той же западной Украины. Но вскоре Левчук показал нам своё гнилое нутро и острые зубы. Но пока интеллигентный и добрый ефрейтор расспрашивал нас о гражданке, говорил по душам с каждым, в общем вёл себя почти панибратски.

Завтрак оказался довольно скудным. Несколько канделов на него не пошли, свалив по пути на позицию. Они и в дальнейшем на завтрак ходили редко, поэтому нам на нём было посвободней.

Левчук отрывисто заговорил:

- Надо хлеб и три пайки масла с чаем отнести на позицию. Вот вам две фляжки для чая. Боевая смена на станции просила принести им всё туда. А третью пайку с хлебом и фляжкой, ты Воробей, спрячешь в шкафу, где лежат ОЗК и противогазы. Это для Мойши. Он её возьмёт, когда командир куда-нибудь свалит. Понял?

- Да, всё сделаю, - ответил Воробей.

- Не да, а так точно, - поправил его Левчук.

- Так точно, - повторил Воробей.

- То-то!

Левчук незаметно, с каждым часом становился всё резче и злее. А через неделю он превратится в такого же злыдня, типа Ары и Дядьки, но со своими собственными тараканами в башке. Я вскоре узнал, что он тоже студент, закончивший первый курс Львовского университета на факультете журналистики. Но он это не афишировал, и поэтому никому в голову не приходила мысль назвать его студентом. А ко мне же эта кличка пристала почти с первого дня.

Глава пятая.

Позиция и спортгородок.

Позиция была где-то в пол километре от казармы. За высоким металлическим забором стояло несколько станций. Ширина её была метров тридцать, а длина метров сорок. С одной стороны она граничила с лёгным автопарком, а с другой выходила к аэродрому. Железная дверь закрывалась на увесистый замок. После позиции начинался пустырь, изредка покрытый кустами. Он тянулся на пару километров и выходил на трассу, ведущую из Сляч к Съельнице, ближайшему селу. За позицией в двухстах метрах находился боевой командный пункт батареи или просто БКП, как его все звали по телефону. С ним связь была через СРЦ, а это позывной нашей станции Р-119, которая стояла на позиции. Она состояла из двух машин ЗИЛ-130. На одной стояла вся аппаратура, включая передатчик, приёмник и экран слежения за целями. На другой сами локаторы и дизель-генераторный агрегат. Это была основная радиолокационная станция нашего взвода. Рядом стояла Р-115 на базе ЗИЛа-157. Машина эта конечно древняя, но вся станция зато блестела, так как была недавно покрашена. Следом стояла Р-118 – станция связи. Там стоял передатчик, где ключом с помощью азбуки Морзе регулярно утром и вечером выходили на связь со «Штангой». А это позывной центрального командного пункта ПВО всей центральной группы войск, дислоцированной в Чехословакии. Он был в Чехии, в Миловицах, то есть там, куда мы все сначала прилетели из Калинина. В Р-118 было довольно уютней и просторней в отличии от других станций. Фургон у неё был с окнами и разделён на две части.

В одной стояла аппаратура и там выходили на связь, а в другой был прикрепленный к полу стол. С обеих сторон от стола были широкие и мягкие лавки с поролоном и кожезаменителем. Сама Р-118 была на базе ГАЗа-66 или шишиги, как принято было везде называть этот газон.

Мы везде лазили по станциям. Левчук мало чего в них знал, а Бабай-кандед, дежуривший в Р-119, по русски говорил нечётко, проглатывая слова. Поэтому мало чего удалось понять из того, что он пытался нам рассказать о станции. Рот у него был до ушей, он о чём-то постоянно шутил и сам же смеялся над своими шутками. В Р-119 было ещё просторно по сравнению с Р-115. В ней было два небольших крутящихся кресла для смены. Дежурившие там, умудрялись оба спать на полную вытяжку. А в Р-115 никто не дежурил, да и места в ней почти не было. Был лишь узкий, шириной с полметра проход между блоками, которые занимали всё пространство от пола до потолка. Да и сам кунг был намного меньше, чем в Р-119. Локаторы в Р-115 крепились на крыше кунга. Далее стояла Р-125 – более совершенная станция связи по сравнению с Р-118. А так внутри она в основном повторяла её и тоже на базе шишиги. У забора стоял «Пароль» на базе УРАЛа-375. На нём водителем был Клим, который впоследствии говорил: «Да блин, я водитель, а за полтора года лишь два раза ездил на своей машине». «Пароль» крайне редко участвовал в учениях, а стоял всегда на одном месте. В нём находилась аппаратура для распознавания целей «свой-чужой.» Про него я услышал, что он сугубо секретный и кроме прапорщика Андреева, никто в его аппаратуре ничего не понимал.

На позиции было шесть машин, ещё четыре были в боксе на территории лётного автопарка. И Бабай кратко познакомив нас с техникой сказал:

- Ну чиво уставылись? Надо чыстить машины то! Вишь какие грязные они!

И он провёл пальцем по кабине ЗИЛа, после чего осталась полоса на толстом слое пыли. Левчук тогда быстро сообразил, что нужно делать и уже в резком и приказном тоне нам командовал:

- Эй, а ну быстро разбились по два человека на машину и начали протирать их.

Потом Бабай дал нам тряпки, поролон и мы принялись отчищать машины от грязи и пыли. Двоих Левчук послал за водой, чтобы мы ещё мыли колёса. После чего Бабай сделал специальную жидкость из гуталина, и мы стали красить кисточками шины у всех колёс, чтобы они были чёрные-чёрные. Тогда после нашего ухода вся техника блестела и сияла на солнце.

По возвращению в казарму, мы немного перекурили, а потом Озеров нас построил и повёл в спортгородок.

- Сейчас посмотрим, чего вы на турнике изобразить можете, - сказал он с усмешкой.

Всё, что он говорил, я делал свободно и легко. Увидев мои финты, он перестал обращать на меня внимание, а переключился на остальных. Многие из наших специально не занимались этим до службы и подтягивались от силы пять-семь раз. Выход силы они делали с большим трудом и то лишь на одну руку, а подъём с переворотом им вообще не давался. На это Озеров с Мойшей язвительно смеялись и всячески унижали их.

- Давай, скачивай жирок то свой, тюлень несчастный, - говорил Озеров одному.

- Ты, чего дома у себя лишь одно вино жрал? Ничего, здесь вы все похудеете! Как говорится: не можешь – научим, а не хочешь – заставим! – ехидно посмеиваясь, восклицал Мойша.

- А ты чего? – сказал он мне. – Прирос что ли к турнику? Была команда – отставить. Всем строится и шагом марш в казарму.

Глава шестая.

Первый обед в Слячах.

После чего наступило время обеда. Как было принято, предварительно дежурный или дневальный шёл на заготовку. Он проверял – всё ли наряд по столовой выдал взводу. У нас было два стола и каждый был рассчитан на двенадцать едоков. Система бачковая: бачок с первым, бачок со вторым, одна большая тарелка с салатом из зелёных помидор или солёной капусты и две общих тарелки со свиным мясом вперемешку с салом. Плюс ещё двенадцать железных кружек с компотом или киселём. На первое был какой-нибудь суп, как правило жидкий. Борщ или щи давали изредка, чаще во время каких-нибудь праздников. На второе обычно была каша: овсянка или перловка, приготовленная на воде. Гречка, рис, макароны или картошка с тушёнкой – тоже выдавались редко. Мясо надо было постоянно отделять от сала, так как на варёное сало любителей не находилось. Были тарелки, в которых почти не было мяса, а лежали только жирные куски сала с волосатой щетиной. В этих тарелках была подлива, на которую всегда было много желающих.

Хлеб в Чехословакии был только белый, как и почти во всей Европе. Ржаной муки здесь не было. Хлеб поставляли местные хлебопекарни. Чёрный хлеб мы увидели только года через полтора. Он был выпечен на нашей пекарне, которая была в части. А ржаную муку привозили из Союза.

Дневальный, проверив наличие всего необходимого, хавал на скорую руку и ждал прихода дежурного. После его прихода он пулей летел обратно в казарму. Там он вставал на тумбочку, меняя нового дневального, а тот в свою очередь шёл в столовую вместе со взводом. Потом новый дневальный первым бежал из столовой, чтобы встать на тумбочку.

По пути на обед в столовую Левчук спросил :

- Песню какую-то строевую, кто знает ?

Мы отрицательно покачали головой.

- Ладно. После обеда будем учить. С меня же потом спросят, почему вы песен строевых не знаете.

И в ногу всем идти, я сказал. Вас, что не научили в Оремов Лазе в ногу ходить?

Когда навстречу кто-то шёл из офицеров лётной части, то Левчук начинал громко командовать:

- И раз. И раз. И раз, два, три.левой, левой.

И так несколько раз. Когда они проходили, то он сразу замолчал.

Мы подошли к столовой, где у входа уже толпилось море народа. Летуны с голубыми погонами были повсюду. Наши кандеды их почему-то звали «фанерой». Среди казарм летунов, которых было штук двадцать, только мы, да ещё стройбат носили чёрные погоны.

Каждая казарма представляла собой длинное одноэтажное здание с классами, ленкомнатой, оружейкой, кабинетами командиров и их замов и большим кубриком, где стояли двухъярусные кровати. У нас же просто стояло двадцать пять кроватей без всяких ярусов. Между каждой парой кроватей была тумбочка, одна на двоих, где лежали разные предметы обихода и личные вещи.

И проходя мимо этих казарм, я видел, что на такой же площади, как наша жило в три раза больше людей. Это было заметно по количеству строящихся в колонны солдат возле каждой казармы.

Впрочем я отвлёкся в своих мыслях от главного: как бы побыстрее и посытнее набить свой желудок. А для этого нужно было ещё потоптаться и потолкаться у входа в столовую, где стоял дежурный офицер. Все докладывали ему по форме, что такое-то подразделение, в таком-то количестве прибыло на обед. Очередь шла медленно, так как зал был переполнен, а дежурный запускал только после того, как выходило из него какое-то подразделение.

Наконец наступила и наша очередь. Левчук отчеканил давно изученную фразу :

- Взвод! Равняйся! Смирно!

- Вольно, - ответил ему дежурный офицер.

Потом Левчук продолжал :

- Товарищ капитан, взвод ПВО в количестве восемнадцати человек на обед прибыл. Дежурный по взводу гвардии ефрейтор Левчук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.